

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2017 | апрель

интеллектуальный
диалог

Фото А. Белоногова, известного красноярского фотографа и журналиста. 5 апреля Анатолий Алексеевич ушёл из жизни. В своё время он передал часть своего архива нашей редакции...

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО...

...и что такое плохо — знает каждый, кому в детстве читали стихотворение Маяковского. Но представления о мире человек формирует всю свою жизнь, и достаточно регулярно в истории возникают периоды, когда то, что казалось фундаментальным и неизменным, меняется едва ли не на свою противоположность. Насколько изменились наши предпочтения и принципы за жизнь одного поколения — узнаем на примере отдельных тем.

Николай Степанов

КРАСНУЮ КНИГУ В КАЖДЫЙ ДОМ

8

В Каратузском районе есть такой кедр, спиленный и брошенный. В его дупле охотники сделали избушку: навесили двери, поставили печку и нары, на которых не сгибаясь могут сидеть по 3–4 человека! Не жалко же было лесорубам уничтожить такого гиганта! Этим кедром было по 600–800 лет, они патриархи наших мест.

Станислав Рыбцов

ИМПОРТОЗАМЕЩАТЬ — В НАУКЕ!

10

Сейчас, если производство реагентов убыточно, хотя в России жизненно необходимо и для больных, и для учёных, его просто не будут поддерживать, потому что невыгодно. Однако если оценить, какие затраты идут на закупки реагентов за рубежом и то, что рынок высокотехнологичных продуктов растёт в геометрической прогрессии, то уверен — сразу это окажется выгодным.

Митрополит Пантелеимон

ДВЕРИ ОТКРЫТЫ ВСЕМ

13

Сегодня даже женская одежда изменилась. Женщины что, мужиками стали? Нет, просто брюки удобны — зайти в троллейбус, пересесть в автобус... И требований носить платье мы уже жёстко не предъявляем, ведь главное — душа.

Текст _ Елена НИКИТИНСКАЯ
 Фото _ Илья НАЙМУШИН

Повседневность СНИМАТЬ СЛОЖНЕЕ

— Как изменилась фотография за то время, что существует?

— За последние 25 лет изменения произошли намного более существенные, чем за предыдущие сто лет. Сейчас мы наблюдаем очередную техническую революцию, хотя основные принципы сохранились. Фотография произошла от классической живописи, и все каноны, которые существовали в классическом изобразительном искусстве — композиция, свет, тональность, цветовой контраст или цветовая гармония, — перешли в фотографию и сохраняются по сей день. Единственное принципиальное отличие — более ста лет назад фотография была статичная, фотограф должен был двадцать минут делать экспозицию. Если сейчас выдержка длится сотые или тысячные доли секунды, то тогда — несколько десятков минут. Репортажную фотографию снимать было невозможно. Модели позировали в неподвижных позах со специальными скрытыми приспособлениями для фиксации головы.

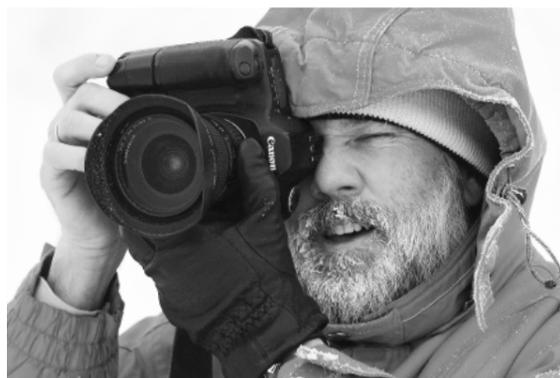
Ну, а когда появились высокочувствительные материалы — изменились принципы съёмки. И стала появляться репортажная фотография. А художественные принципы неизменны. Задача какая? Если мы говорим о пейзажной фотографии, то не просто какая-нибудь гора или замок, озеро, когда природа создала эту сцену, и от фотографа ничего не зависит: пришёл, нажал на кнопку, и всё. Для меня самые ценные фотографии — неповторимые. Если я могу повторить фотографию, ценность её ниже. Неповторимость же обеспечивается неповторимыми состояниями природы: радуга, особенный свет, облака, молния...

А неповторимость в работе фотографа-репортёра — поймать момент, который уже никогда не повторится. Причём вы должны снять кульминацию события и с нужного ракурса. В этом и заключается мастерство фоторепортёра: что именно считать кульминацией, как оказаться в нужном месте в нужный момент и так далее. Это вообще самое интересное и главное в моей профессии.

Фотограф, в отличие, например, от видеооператора, имеет привилегию остановить момент, вырвать его из потока времени. В этом же заключается ответственность. Ведь именно ты решаешь здесь и сейчас, какой момент истории останется

Илья НАЙМУШИН — известный красноярский фотограф. В этой фразе есть некоторое противоречие. Имя Наймушина знают и высоко ценят в первую очередь профессионалы: он работает в крупнейшем мировом информагентстве, и в том числе по снимкам Наймушина люди представляют себе Россию.

Между тем нынешняя система ценностей, принятая в мировой репортажной фотографии, нередко вызывает у него отторжение. Об этом, а также о том, почему снять цветок на окне порой сложнее, чем сделать фоторепортаж с линии фронта, мы и поговорим с Ильёй.

запечатлённым, а что уйдёт навсегда. Это зависит от интеллекта, вкуса, культуры, личной интерпретации событий. Фотограф-журналист высказывается не словами, его язык — фотоснимки.

Безусловно, сейчас мы говорим о «чистой фотографии». Фотографию из «тёмной комнаты», монтажную, в том числе сконструированную на компьютерах, мы не обсуждаем.

— Вы её не признаёте?

— Я её признаю, но это иное искусство. Безусловно, в фотомонтажах и коллажах существуют свои шедевры. Но это не моё. Есть разные школы художественной фотографии и разные условия для фотографов, если речь не о репортаже, а именно о художественной фотографии. Возьмём для примера Британию. Страна относительно небольшая, фотографов очень много, а пространства ограничены. Основные достопримечательности сняты миллионы раз. И поэтому люди в поисках нового и индивидуального зачастую снимают какие-то фрагменты, состояния, отражения, игру света и тени, почтовые офисы, якоря, блики на воде и прочие концептуальные вещи.

Если же взять американскую фотографию — а Америка огромная страна, как и наша — там значительно шире возможности для фотографов, которые меньше заняты всякого рода концептуальными проектами. Но это не говорит о том, что вторые лучше первых или наоборот.

Результат зависит от конкретной личности. Многие знатоки фотографии помнят чешского

фотографа Йозефа СУДЕКА. Он снимал в очень ограниченном пространстве из-за проблем со здоровьем: предметы в квартире, например, пустые бутылки на подоконнике, сцены вокруг своего дома, портреты. Печатал фотографии на старой бумаге, хранившейся в его диване, и... побеждал в крупных международных конкурсах.

— Когда вы начали заниматься фотографией профессионально?

— В конце 90-х. Но снимать я начал ещё в детстве — в 1972 году родители подарили мне фотоаппарат за успешные переходные экзамены в музыкальной школе. Вот с тех пор всё фотографирую и фотографирую, хотя начинал в журналистике и десять лет работал пишущим репортёром и газетным редактором. При этом не нуждался в поддержке фотокорреспондентов при работе над своими материалами.

На Кольме снимал, будучи редактором газеты. После этого в Казахстане, в Алма-Ате, был редактором отдела высшего спортивного мастерства в республиканской спортивной газете. Являясь мастером спорта СССР по парусному спорту, имел достаточную квалификацию для спортивной журналистики. Весь большой спорт Казахстана освещался через отдел, шефом которого я работал. И с удовольствием параллельно снимал на соревнованиях, с которых сам готовил репортажи, включая чемпионаты мира по разным видам. Писал и снимал все значимые соревнования конькобежцев на «Медео». Ездил в большие горы с выдающейся командой казахстанских альпинистов-высотников, которая в то время не имела равных в мире. О них я написал и проиллюстрировал цикл очерков «Гималайцы». А когда в августе 1993 года на Хан-Тенгри погиб один из суперальпинистов планеты Валерий ХРИЩАТЫЙ, я, находясь в этом районе Центрального Тянь-Шаня, собрал на месте горячий материал об обстоятельствах катастрофы, который был опубликован в «Советском спорте».

— А родом вы из Красноярска?

— Да. Учился в институте, а оказавшись в академотпуске на год, устроился корректором в «Огни Енисея», грамотность у меня была на достаточно высоком уровне. Местная пресса есть местная пресса, был у нас один корреспондент, который настолько стилистически неграмотно

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 3 (57) от 19 апреля 2017 г.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24-00157
 Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 9, каб. 4-21, т. (391) 206-53-35, e-mail: newspaper@sfu-kras.ru
 Главный редактор: В.М. Ефанова // Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
 При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна // Распространяется бесплатно.

// Отпечатано в ООО «Флекспринт»
 // г. Красноярск, Калинина, 106 г
 // Подписано в печать 13.04.2017 г.
 по графику — 20.00, фактически — 20.00
 // Заказ № 32750/ Тираж 5000 экз. //

писал, что легче было не корректировать, а заново переписать заметку. Редактор с ответсекретарём видели это и как-то раз сказали: а не хочешь сам по редакционному заданию подготовить публикацию? Отправили на большой ежегодный турслёт на Мане. Так состоялся мой дебют в будущей профессии — вышла корреспонденция с моими же фотографиями на целую газетную полосу.

Затем я служил на Тихоокеанском флоте, где, конечно, и фотографировал, и писал зарисовки и очерки в главную флотскую газету «Боевая вахта». Это была крупная ежедневная газета формата А2. В итоге стал её штатным корреспондентом. Перед демобилизацией редактор отдела, который курировал меня, спросил: куда собираешься после службы? Я ответил, что толком не определился, может, в юристы подамся... Прежние планы связать жизнь с морем и парусным спортом изменились, а новый план ещё не сформировался. На что мой доброжелательный собеседник ответил: какой юрист из тебя получится — неизвестно, а хороший журналист может быть потерян, подумай! Я подумал и согласился.

Мне действительно нравится журналистика — это интересный и разнообразный образ жизни, каждый день новые места, события, люди. Пусть это далеко не самая высокооплачиваемая, но зато одна из самых интересных профессий.

— Тем не менее от журналистики вы перешли к фотожурналистике.

— Пришёл день, когда я захотел поменять своё амплуа. Чем дальше, тем больше мне стало нравиться работать именно фотокамерой, а не пишущей машинкой. Это произошло после возвращения из Алма-Аты в Красноярск. Коллеги, которые работают не в крупных центральных изданиях, а в местных, поймут, о чём я говорю. Цикличность задач, а главное — так называемое мелкотемье с годами становятся причиной равнодушия. А равнодушный журналист — плохой журналист.

А в фотографии значительно реже встречаются сюжеты, над которыми работать откровенно не интересно. И я ушёл в профессиональную фотографию.

— И довольно скоро стал фотографировать для агентства Рейтер...

— Никаких протекций. Во время губернаторских выборов 1998 года в Красноярск устремились журналисты многих крупных изданий, а я работал фотографом в штабе Александра ЛЕБЕДЯ. Познакомился со многими приезжими журналистами, в том числе с Сергеем КАРПУХИНЫМ, фотографом московского бюро Рейтера. Оказалось, что агентство не прочь иметь стрингера в Сибири. Сергей посмотрел мои работы, позвонил в Москву шефу...

Надо сказать, у крупных международных информационных агентств почти нет своих фотографов в регионах, они им просто не нужны. Событий мирового уровня в регионах почти не бывает, а для того чтобы снять повседневную жизнь, не нужно быть в каком-либо определённом месте. Социальные процессы повсюду плюс-минус одинаковые. Будь то маленький провинциальный городок или Москва — фото с людьми мало чем отличаются.

— Новейшие IT-технологии изменили подход к фотографии?

— Я бы сказал так: профессионалам техническая революция в фотографии принесла большую пользу, а любительской фотографии навредила, то есть уровень любительской фотографии значительно снизился, а профессиональной — вырос. Почему? Потому что настоящие фотографы — это не те люди, которые просто нажимают на кнопку дорогих фотокамер. Раньше фотолюбители, чтобы получить слайд или фотоотпечаток, должны были очень неслабо потрудиться и много чего знать и уметь. Ручная экспозиция и ручной фокус, ограниченное количество материалов, выбор плёнки, у которой был смехотворный диапазон светочувствительности по сравнению с нынешней аппаратурой — от 32 до 250 единиц. В плёнке всего 36 кадров, экономить надо было каждый. И обидно было после всех затрат и усилий получить пересвеченные или недоэкспонированные плёнки, да и какие попало сюжеты старались не снимать.

Люди читали книжки, изучали теорию и практику. Самой популярной была плёнка чувствительностью всего 65 единиц, сейчас с таким ISO никто вообще не снимает, 800 и более чувли не в каждой «мыльнице» и смартфоне. Плюс широкий динамический диапазон. А нам для достижения нужного результата приходилось химичить в прямом смысле слова: с помощью хитрых проявителей компенсировать отсутствие

возможностей плёнок. Создавать повышающие чувствительность или выравнивающие контраст проявители. Устранять вуализированность старой или некачественной фотобумаги. И так далее.

Имея в распоряжении чисто ручные камеры, фотокорреспонденты обязаны были уметь быстро принимать решения. Например, чемпионат мира по ледовому спидвею на «Медео». Несутся на тебя мотоциклисты на бешеной скорости, а у тебя автофокуса нет, автоматической экспозиции нет, есть только один кадр, без дублей. Надо поймать нужный момент, навести резкость и помнить про выдержку и диафрагму, которые ты должен изменить, если поворачиваешь камеру на 90 градусов. Всё это надо было держать в уме, и тем не менее получались хорошие фотографии.

Сейчас же — десять кадров в секунду, объект у тебя в постоянном фокусе, что обеспечивает следящий режим камеры, автоматически меняются параметры экспозиции... Не работа, а удовольствие, намного легче стало работать.

А обработка после съёмки? Вставил флэшку в картридер, и вуаля — можно отправлять файлы прямо с места съёмки в редакцию, а то и вообще по беспроводному каналу. В начале 2000-х, где бы я ни снял репортаж, нужно было ехать в Красноярск — проявлять плёнку, пока не закрылась лаборатория. Потом вернуться домой, отсканировать плёнку и уж только затем начать обрабатывать файл и отправлять его через модем, подключённый к проводной телефонной сети со скоростью один кадр за 10 минут.

« — А ещё раньше, когда Интернета не было, фотографы московских изданий ездили в аэропорт, передавали плёнки лётчикам, которых в Москве встречали представители редакций. Вот таким образом снимки выходили в центральных СМИ.

Технологии меняются на наших глазах. Был показательный случай на эту тему в 1998 году. Губернатор Лебедь через Северный полюс и Канаду летел в США. Я снял Лебеда в самолёте на аэродроме Красноярска непосредственно перед вылетом, проявил плёнку, отсканировал и отправил снимки в агентство. Самолёт летел порядка десяти часов. И когда Лебедь с сопровождением прилетели в Америку, они с удивлением увидели в американских газетах мой снимок. Это тогда произвело впечатление. Сегодня, понятно, таким никого не удивить.

— Сейчас снимает каждый, кто во что горазд...

— С одной стороны, это благо. Немыслимый ранее уровень доступности фотографии. Но обратной стороной феномена, как я уже говорил, становится снижение уровня любительской фотографии. А ещё более удручающим является традиционно невысокий уровень подготовки бильд-редакторов, специалистов, которые отбирают фото для СМИ, полиграфии и рекламы.

Эта проблема в нашей стране всегда была острой. В Советском Союзе институт бильд-редакторов почти отсутствовал. Кто у нас становился редакторами и ответственными секретарями газет и журналов? Пишущие журналисты. Как пишущие они были мастерами, но визуально часто неграмотными. Нередко талантливые фотографы не могли опубликовать свои работы в советских изданиях именно по причине того, что редакторы не были готовы к оценке их нестандартных работ или фотосерий. Когда «железный занавес» открылся, целый ряд неустребованных у нас фотографов ушли в зарубежные издания, кто-то вообще стал звездой, как ПИНХАСОВ в агентстве Магnum.

— Что вам нравится снимать?

— Лично мне нравится природа — горы, море. Но я не имею возможности полноценно этим заниматься, потому что в новостях природа не нужна, только разве когда речь идёт о погоде.

Но и помимо природы существует много интересных объектов. Мне нравится сам творческий процесс, когда выходишь из дома с пустыми флэшками, а возвращаешься с изображениями, которые через несколько часов облетят весь мир. И некоторые получают топовые рейтинги в крупнейших изданиях разных стран, такие как фото дня, фото недели, даже фото года. Один и тот же сни-

мок может параллельно выходить в знаменитых газетах и журналах. Например, в «The Gardian», «Paris Match», «The Washington Post», «Stern» и т.д. Немало моих фотографий распространяются и в российских изданиях, агентством РИА Новости.

— Сейчас становится востребованной профессия военного фоторепортёра...

— Я с большим уважением отношусь ко всем профессионалам, тем более — к военным корреспондентам. Но вот что хочу сказать. Одно дело, когда этим занимаются зрелые умственно профессионалы, и совсем иное, когда на войну рвутся ради самопиара, ради карьеры, ради желания получить сенсационные кадры без глубокого осмысления этого страшного явления. Ни один здравомыслящий человек не может желать снимать войну. Это подтверждают многие опытные военные репортёры. Так же, как и катастрофы, разбитые самолёты, взрывы на шахтах и т.д.

Единственным мотивом работать на войне и на месте техногенных катастроф, по моему мнению, является задача показать отвратительную природу процессов, которые приводят к войнам и катастрофам. А если человек едет на войну, чтобы смаковать сцены смерти и разрушений, а такое бывает, особенно среди молодёжи, — это ненормально, недостойно и непрофессионально.

Меня Господь пока уберёт от съёмок на войне, но приходилось работать на катастрофе Саяно-Шушенской ГЭС, на авиакатастрофах, на шахте Октябрьской, на больших пожарах и в других местах, где гибли люди. Могу сказать, что качественно снимать мирную повседневную жизнь гораздо сложнее, чем такие вот жуткие сцены. Ведь куда ни поверни объектив — всюду то, что шокирует. Но важно — как сделать. Легче всего отснять натуралистично с максимальной жестью, как сейчас любят говорить, и совсем другой подход — показать не напрямую, а как-то ассоциативно, вызвав у зрителя мысли и чувства, которые должны соответствовать явлению.

Я изучал фотожурналистику, зарубежную в том числе, ещё в те времена, когда и Интернета не было. Помню интервью с бильд-редактором одной британской газеты, которая получила профессиональную премию года за лучший фоторяд. И бильд-редактор сказал, что одна из причин успеха заключается в отказе от демонстрации мёртвых тел в кадре. Фотограф должен найти какие-то косвенные варианты, чтобы показать смерть, не показывая смерть. Это решает задачу — вызвать отклик на событие, но не разрушать психику читателя. Только неадекватные люди могут разглядывать ужасы и получать удовлетворение.

— Тогда как вы относитесь к тому факту, что фото убийства российского посла в Турции Андрея Карлова завоевало первое место на конкурсе WorldPressPhoto?

— Я даже писал об этом в Фэйсбуке, комментировал эту новость и вступил в дискуссию с некоторыми московскими фотографами. Отношусь отрицательно, и не я один. Я вообще для себя давно не считаю конкурс WorldPressPhoto каким-то эталоном в фотожурналистике. Это ведь не официальный конкурс под эгидой, например, ЮНЕСКО или ООН. Это частный проект, который просто назвали удачно — Мировое Пресс Фото. Я проанализировал результаты конкурса за последнюю четверть века и пришёл к выводу, что часто здесь отдают победу вовсе не лучшим работам, а наиболее конъюнктурным или шокирующим. Более того, я беседовал с одним из членов жюри WPP, и он рассказывал о методике отбора лучших фото. Поверьте, методика такова, что многие достойные работы жюри просто не в состоянии анализировать.

— Фотография убийцы Карлова эффектна...

— Это конъюнктура в чистом виде, констатация факта и не более того. И назвать это самым лучшим, что сняли все фоторепортёры мира за год, — ну разве можно? Да, понятно, это уникальный момент. Разумеется, любой фотограф должен был, оказавшись там, попытаться это снять и опубликовать. Но решение жюри вызывает большой вопрос. Помимо сомнительности снимка как Гран-при года это ещё и элементарная пропаганда экстремизма.

Несколько лет назад Гран-при WWP получила фотография афганской женщины, которой талибы отрезали уши и нос. Я этого не понимаю. Репортажная фотография, несмотря на документальность, должна быть произведением искусства, если она претендует на победу в крупном конкурсе.

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

Тимур ШАФИР: «Надо думать о том, как вылечить профессию...»

Шафир Тимур
Секретарь Союза журналистов
России

Костун
Комитет ГД по
противополо...

Прошло более века с тех пор, как создатель первого в мировой истории социалистического государства В.И. ЛЕНИН в статье «С чего начать?» вывел формулу, из которой следовало, что газета — коллективный пропагандист, коллективный агитатор и коллективный организатор. Сегодня Википедия трактует журналистику как актуализацию мировоззрения социальных групп средствами подбора фактов, оценок и комментариев, которые злободневны и значительны в данное время. Уже особо и не требуется глубокое проникновение в суть актуальной проблемы, авторское видение и т.д. Главное — взять нужный комментарий в нужный час...

В прошлом месяце в Красноярске побывал секретарь Союза журналистов России, руководитель международного отдела СЖР и член исполнительного комитета Международной федерации журналистов Тимур ШАФИР. Последнее место работы Тимура Владимировича в медиа — собственный корреспондент радио CVC Broadcasting (Австралия и АТР) по России. Наша беседа о том, что такое хорошо и что такое плохо в медиапрофессии XXI века.

Нюанс

Высшее журналистское образование Тимур Шафир получил уже после того, как окончил факультет International Relations (степень BsC) Международного университета в Баку в 1997 году. Он убежден, что иметь второе образование для любого журналиста — большое преимущество: «Я считаю, это очень хорошо, и есть много примеров того, как блестящие материалы готовили журналисты с техническим образованием, а не с гуманитарным».

— Тимур Владимирович, почему сегодня журналисты не консолидируют общество, а, наоборот, разобщают его?

— Да, не консолидируют, но работают ли на разобщение? Сомневаюсь... Скорее всего, так получается из-за того, что люди сами разобщены в нашей профессии. Сегодня во время разговора с коллегами мы обсуждали, как сильно уронила себя журналистика за последнее десятилетие после того, как прошла извилистый путь. Произошло гигантское внутрицеховое расслоение и в плане статуса, и в плане заработной платы, и всего прочего. А неконсолидированные журналисты разве могут заниматься глобальными вопросами общества? Как они будут его лечить, помогать ему, направлять?.. Помните библейское высказывание — «исцелился сам»? Тут надо думать о том, как вылечить профессию, как спасти наш цех, придать ему новое дыхание, свежие силы. Помочь нужно немногочисленным представителям профессии, чтобы они смогли уже перевести дух.

Важно, чтобы журналист не задумывался постоянно о том, что если его, как волка, ноги не будут кормить каждый день, то семья может остаться без средств к существованию; что любой чиновник средней руки может его отфутбопить как назойливую муху и т.д. Хотелось бы, чтобы профессия вернула себе хотя бы частично тот статус, который был у неё лет 30 назад. Вы же прекрасно знаете, что такое был выезд корреспондента в какой-то район, область — вставали

все на уши: едет спецкор! Публикация в газете зачастую для некоторых была страшнее, чем приговор судьи или какой-то административный штраф, потому что журналистика была другой, но и журналисты были другими — они выполняли общественную, как раз консолидирующую функцию. Они чувствовали за своей спиной поддержку редакции, а она, в свою очередь, чувствовала поддержку всего цеха, Союза журналистов — в те годы это была мощнейшая структура.

В настоящее время союзы журналистов есть практически во всех странах. Где-то они находятся на среднем уровне, как у нас, в России; где-то ослаблены так, что уже вообще ничего не могут делать. Но есть и другие примеры. Скажем, в таких благополучных европейских странах, как Великобритания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания, Германия, Франция, Италия, союзы журналистов являются мощнейшими цеховыми структурами, которые обладают такими возможностями защиты своих коллег и их поддержки, что очень бы хотелось поскорее и нам приблизиться к этому уровню...

— В чём секрет?

— Это сложилось исторически. Профсоюзное журналистское движение в той же Британии насчитывает огромное количество лет. Я интересовался конкретно британским опытом и скандинавским. Во-первых, это годы практики без гигантских потрясений, хотя и там бывало всякое. Помнится, в Британии Маргарет ТЭТЧЕР давила на профсоюзы, и они отвечали ей достойно, не теряя своей мощи. В Скандинавии богатая материальная база. Союзы журналистов скандинавских стран — это богатейшие организации, есть дома отдыха, другая недвижимость; они в том числе и на этом зарабатывают деньги и материально независимы. Эти организации абсолютно не волнует вопрос, как может измениться отношение властей к ним. Напротив — это власть беспокоится о том, как профсоюзы журналистов к ней относятся.

Помимо материальной базы там мощнейшие стандарты внутрицеховой этики, профессионализма и т.д. У нас тоже есть этический кодекс, но, к сожалению, редко встретишь журналиста, который по памяти назовёт хотя бы несколько его пунктов. Кстати, в европейских странах приём в Союз журналистов достаточно строгий, но из него очень легко можно вылететь за разные грешки.

— А что сегодня совсем плохо в российской журналистике?

— Конечно, очень большого внимания требуют молодые кадры, потому что подготовка специалистов слабая, а иногда просто ужасная.

Современные гаджеты дают большой простор для креативности в ущерб элементарной грамотности. Вот это действительно очень плохо и касается всех регионов. Финансовое положение журналистов тоже никуда не годится, достойные зарплаты платят только в центральных, областных изданиях, а в районных газетах, которых много в стране, деньги смехотворные.

Но есть и хорошее. Например, удивительно, что люди до сих пор активно идут в профессию. Не только в Москве, но и региональные журфаки переполнены...

— Чем это можно объяснить?

— Думаю, совокупностью факторов. Всё-таки профессия интересная и даже в наше циничное время имеет некий налёт романтизма. Где ещё пообщаешься с таким количеством разных людей? Один день ты узнаёшь, как работает Красноярская ГЭС, а на следующий день — как работают хирурги и т.д. У кого-то адреналин — он рвётся в горячие точки и хочет стать военным корреспондентом. Сейчас, к сожалению, эта специализация вдруг стала востребованной, при этом опасной и трагической: в 2014 году шесть наших коллег погибли, начиная с МИРОНОВА и РОККЕЛЛИ и кончая драматической историей со СТЕНИНЫМ.

«

Есть такой феномен, как притяжение профессии: кто-то любит заниматься расследованиями; а есть девочки, чувствующие, что они очень хорошо будут смотреться в кадре или в радиозфире. То, что молодёжь идёт в профессию, это хорошо, а ещё лучше станет, когда они профессии смогут давать больше, чем мы сейчас...

«

— Сейчас владеют умами и электоратом те, кто работают в сети. Там делают революции и майданы. Что этому могут противопоставить традиционные СМИ и как надо менять формы работы?

— Я не очень уверен, что социальные сети владеют умами. Они владеют в процентном соотношении не самой большей частью аудитории. Когда сидишь в Facebook, читаешь аналитику потрясающе умных людей либо прогнозы каких-то диванных экспертов, тебе кажется, что это

действительно властители дум, а это достаточно ограниченный сегмент. Поэтому не соглашусь с утверждением, что пользователи соцсетей владеют умами.

Однако то, что социальные сети используются очень активно как инструмент, в том числе и политический, это бесспорно. Очень хотелось бы, чтобы традиционные СМИ могли противопоставить социальным сетям *экспертизу*, ту мощную журналистику, которая была раньше. Нынешняя сетевая агрессивность в большинстве своём, надо признать, очень сиюминутная и скандальная, она завёрнута во что-то кричащее и не всегда достаточно компетентна, потому что здесь срывается принцип: важно даже не кто сегодня обгонит, а кто обгонит в течение часа или 30 минут. Скорость распространения информации в сети безумная, и этому можно противопоставить качество аналитики, качество материалов, вдумчивую серьёзную работу на основе каких-то фактов.

— Почему умных, талантливых журналистов так мало, и часто хорошие журналисты как раз интроверты, а не люди активной общественной жизни?

— Наверное, потому, что хорошая журналистика подразумевает серьёзную вдумчивую работу. Как минимум на сбор материала требуется время. Общение — это очень важная составляющая нашей профессии, но тратить всё своё время на общение — это порхание мотылька.

— Как журналисты-международники представляют Россию для зарубежной аудитории? Они большие патриоты по обязанности или реально видят преимущества страны в международном контексте?

— Я не считаю, что в данном контексте имеет смысл использовать слово «патриотизм» с лёгким элементом сарказма. Потому что ни один журналист, занимающийся международной проблематикой, будь он из России, США, Великобритании или из Индии, никогда не станет нарочно подчёркивать недостатки своей страны и преимущества противоположной — просто в силу того, что он понимает, что все одинаковы по сути дела. Проблемы могут быть разные, но то, что проблемы есть у всех стран — это очевидно.

На мой взгляд, у нас сейчас, в силу, видимо, политической ситуации, появилось достаточно много профессионалов высочайшего уровня в международной журналистике. Такая линия поведения не является какой-то обязанностью для них, а результат системного анализа, без которого в международной журналистике работать достаточно сложно. Могу отметить человека, материалы которого я всегда читаю, — это Фёдор ЛУКЬЯНОВ.

— Будет ли продолжаться тенденция к сокращению, изменению форматов работы некоторых СМИ, в том числе печатных, и плохо это или хорошо?

— Тенденция всемирная. Наглядный пример — закрываются издания с многолетней историей в Британии. Сокращаются форматы известных газет чуть ли не до карманных брошюр (исчез некогда уважаемый шикарный разворот газет — во время порыва ветра можно было улететь). Это происходит везде по элементарной причине — развитие технологий. Интернет, гаджеты, соцсети, какие-то стремительные интересные метаморфозы, которые произошли с технологиями и с людьми меньше чем за 10 последних лет...

Но тем не менее я бы не стал, как герой из фильма «Москва слезам не верит», говорить, что «будет одно сплошное телевидение». Когда-то телевидение не убило кино, как кино в своё время не убило театр. Никакой Интернет не убьёт печатные СМИ, они останутся. Да, ниша будет значительно сокращена, но и телевидению придётся потесниться в его классическом нынешнем виде. Сейчас ведь не просто видео появляется в Интернете, а чётко прослеживается конвергенция — уже не только новостные порталы функционируют, а наполненные видео и всем прочим. Мы в интересное время живём!

Или взять радио. Оно претерпевает очень серьёзные изменения, и парадоксальным образом на него очень плохо повлиял рост количества автомобилей в стране и рост автомобилистов, потому что его функция немного изменилась — развлечь по дороге. Это плохо — аудитория изменилась, и уровень самого радио значительно упал, но при этом именно радиодиджи за последние годы не потеряли ни процента аудитории. Напротив, этот процент вырос, они отжали значительную часть контента благодаря неожиданно изменившейся функции.

— Какие печатные издания вы читаете — журналы, газеты?

— Мне неловко сознаваться, но когда есть время, люблю почитать спортивные печатные СМИ. Также мне нравится новый формат «Известий» — произошёл апгрейд, редакция полностью сменила дизайн, и газету теперь стало приятно брать в руки. Я читаю по дороге домой «Вечернюю Москву» до сих пор, хотя издание тоже претерпело очень большие изменения. Также стараюсь по возможности читать «Аргументы и факты» — эта традиция пошла ещё с тех времён, когда газета на пике перестройки попала в Книгу рекордов Гиннеса как издание с миллионным тиражом (правда, продержалась на этой позиции недолго). Из журналов стараюсь читать издания «Коммерсанта» — «Власть», «Деньги» и «Огонёк».

— Вы член редакционной коллегии и автор в издании «Асимметричные угрозы и конфликты малой интенсивности». Угрозы и конфликты такого рода — новый тренд?

— Асимметричные угрозы — а здесь мы в первую очередь говорим о вопросах терроризма — далеко не новы, и для того, чтобы это понять, просто заглянем в любые выпуски новостей. Но сейчас всё сильно трансформировалось. Если пять-шесть лет назад мы говорили о терроризме как об индивидуальном явлении и не могли себе представить, что на карте мира может появиться реальное террористическое государство со своими вооружёнными силами, своей администрацией и даже валютой, то теперь это реальность. И я видел одну такую карту, изданную в Израиле, на ней была отмечена территория этого государства. Хотя тенденция стара как мир...

— Ещё недавно мы проигрывали информационные битвы странам «Большой семёрки». Сейчас западный мир обвиняет нас в тотальной пропаганде. Мы научились или это иллюзия?

— Когда начинала работать телевизионная сеть Russia Today, все относились к ней с огромным скепсисом. Говорили: ой, да зачем это нужно? Вкладываются такие огромные бюджетные средства, а толку-то? Но вот прошло несколько лет, и мы с приятным удивлением, а многие оппоненты с ненавистью увидели, как система начала приносить свои плоды. На рынке таких (в хорошем смысле) монстров с многолетним опытом, немного вальжжных ребят из CNN, BBC и т.д. вдруг появилась альтернативная структура с очень мощной базой, которая не уступает ни по аналитике, ни по качеству материалов, ни по контенту, ни по ведущим. То есть прямой конкурент. И здесь началось самое интересное: вплоть до того, что начали использовать неконкурентные методы борьбы: лишение лицензий, закрытие спутника, который принадлежит медиахолдингу RT в Прибалтике, в Турции и т.д. Это хороший показатель, свидетельство того, что в каких-то компонентах мы одержали победу в конкурентной борьбе.

А ещё хочу акцентировать внимание на том, что за последние годы достаточно упал уровень работы представителей западных СМИ. И наиболее яркий и одиозный пример того, какие нехорошие изменения произошли у наших западных коллег (и это в учебники по современной журналистике точно войдёт), — последняя предвыборная кампания в США. И даже не сама кампания, а эта безумная истерия, которая развернулась уже после объявления результатов.

« Как говорила героиня одного советского фильма — это мелко. Уронили, конечно, коллеги престиж, сильно их авторитет пошатнулся. Не хочется вторить Трампу и кричать, что они все аферисты и «вон отсюда», но как вели себя ребята из CNN, BBC и ведущих печатных американских изданий, начиная от «Вашингтон пост», — это, конечно, что-то новое... Наши научились хорошо работать, взяв всё самое лучшее от конкурентов, а конкуренты немного расслабились... »

— Чем в истории журналистики вы гордитесь?

— Начну с прямо противоположного. Какое хрестоматийное и самое значительное событие в истории журналистики? Когда Наполеон вырвался с острова и поехал в последний свой трип опять завоевывать Францию, какие выходили заголовки в парижских газетах? Первое известие: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан». Второе: «Людоед идёт к Грассу». Третье: «Узурпатор вошёл в Гренобль». Четвёртое: «Бонапарт занял Лион». Пятое известие: «Наполеон приближается к Фонтенебло». И наконец, шестое: «Его императорское величество ожидается сегодня в своём верном Париже». Вся эта череда сообщений прошла в одних и тех же газетах на протяжении всего лишь нескольких дней. Не хочется, чтобы когда-то ещё такое повторилось ни во Франции, ни у нас, ни где бы то ни было.

А хороших примеров масса — это и работа военных корреспондентов, и вклад нашей прессы в Победу в Великой Отечественной войне. И тут не только пишущую братию можно вспомнить, но и работу фотокорреспондентов. Я до сих не могу забыть, как на заре перестройки, в 1986-87 годах, в Москву впервые приехала выставка победителей World Press Photo (международный конкурс фотожурналистов — прим. автора). Сейчас её свободно можно найти в Интернете и посмотреть, а тогда это был культурный шок. Помню, мы с моим отцом отстояли огромную очередь, чтобы попасть в выставочный зал. Я был поражён, и до сих пор перед глазами снимок девочки, которую 16 часов спасали из-под завалов после землетрясения в Мехико. Запомнил и фотографию, сделанную в Сальвадоре во время перестройки, когда там шла бойня: посредине улицы католический священник закрывает собой тяжелораненого солдата. Это работа фотокорреспондентов — они донесли до нас момент великий и трагический...

Однажды удивили и наши американские коллеги с радио. Я про историю, произошедшую в Штатах и ставшую чуть ли не анекдотом, когда радиопостановку по роману «Война миров» Герберта Уэллса в эфире станции CBS в 1938 году народ принял за реальный новостной репортаж о вторжении марсиан и за лопаты взялся. А радиопостановки и передачи, которые шли в эфире советского радио в годы Великой Отечественной войны — разве можно такое забыть?..

— Вернёмся ко дню сегодняшнему: как всё-таки вылечить профессию, укрепить её статус?

— Самые сложные времена, надеюсь, российский Союз журналистов уже пережил, и мы уверенно стоим на ногах и стараемся разными способами, в том числе посредством недавно учреждённого Центра содействия региональным СМИ, помогать нашим коллегам в регионах — информационно, обучением, грантами. Надеюсь, ваш Союз журналистов включится в этот процесс, потому что у красноярцев своя журналистская школа и огромный потенциал.

У нас сейчас очень хорошо выстроено взаимодействие с комитетом Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи, появился мощный союзник — руководитель этого комитета Леонид Леонидович ЛЕВИН, он на внеочередном съезде, который прошёл в августе 2016 года, был избран в состав секретариата СЖР. Мы надеемся, что многие вопросы теперь будут решаться в пользу наших коллег.

Текст _ Александра МАРКЕВИЧ

Такая редкая вежливость

Где и когда мы растеряли свои манеры?

Хамство разрушительно. Сразу портится настроение, даже физически становится не по себе: что-то пошло не так, кто-то переступил границу дозволенного. Больше всего грубости всегда приходится на сферу услуг, причём хамим мы сами: пассажиры, покупатели, клиенты. Предлагаем почитать откровения кондуктора, кассира из супермаркета и гардеробщица об их рабочих буднях. Надеемся, после этого вам не захочется ездить «зайцем», качать права и самоутверждаться за счёт обслуживающего персонала.

Обслуживающий персонал: откровенно о клиентах

Марина Сергеевна, 59 лет, кондуктор:

— Одни и те же лица каждое утро садятся в автобус с купюрой в тысячу рублей. Это их способ бесплатно проехать. «Первый рейс, сдачи нет», — начинаю объяснять я, но меня тут же обрывают: «Это ваши проблемы». Они провоцируют, считают, что кондуктор — отброс общества. Вчера молодой человек кинул деньги на кресло, дескать, подавись. Я попросила подать мне в руки, он не ответил, хорошо, что за меня заступился другой пассажир, его парень послушался.

Неделю назад пятеро школьников зашли в автобус и улеглись на сиденья. Я сделала замечание, девочки и мальчики не только не устыдились, но достали телефоны, стали меня снимать, угрожали, что я потеряю работу. Сказала только: «Не дай вам Бог оказаться на моём месте».

Много ребятшек обманывают: этой зимой искали кондуктора, который высадил безбилетного пятиклассника в мороз посреди пустыря, устроили опознание. Женщину уже увольняли, когда мальчик сознался, что соврал. Родители даже не извинились.

А ещё бывает, пассажир начинает материться на кондуктора, потому что не понравилась причёска, лицо... Это такой поток агрессии, что я прошу водителя остановиться, высаживаю обидчика, а потом еду как оплётанная.

Галина Ивановна, 57 лет, кассир:

— Во мне не видят человека ни покупатели, ни начальство. За день через меня проходит огромный поток людей. На «Здравствуйте» отвечают далеко не все, в глаза не смотрят, людям плевать, кто отсчитывает им сдачу. Начальство всегда даёт понять, что на моё место найдётся ещё десяток человек. Нам не положены больничные, выходные по праздникам. Будто кто-то когда-то решил создать племя, которое будет обслуживать белых господ, и этому племени положено в Новый год обязательно стоять за прилавком

до 23 часов и выходить на работу первого января уже в 9.00, вдруг один из «белых» не успел купить банку маслин.

Мы уходим на обед, покупатели сердятся, что открыты 3 кассы из 12, и я не могу рассказать им, что начальство экономит, ставя в смену половину кассиров, так что у нас вдвое увеличивается нагрузка за те же деньги. Молча выслушиваю упрёки.

Нас штрафуют за любое возмущение покупателя. Однажды взрослый мужчина ни за что сказал мне: «Поторопись, жирная». Я отказалась обслуживать, но начальство встало на его сторону. Может, где-то бывает корпоративная культура, но у нас корпоративное продуманное изощрённое хамство.

Елена Геннадьевна, 63 года, гардеробщик:

— Раньше мужчины всегда принимали у женщин пальто, помогали надеть. Сейчас девушки зажимают между колен сумки, шапки, в таком положении одеваются, а их спутники спокойно наблюдают за этим. Не пропускают вперёд старших, толкаются, чтобы выиграть 2-3 минуты времени. Ощущение, что уровень культуры и образованности в целом упал.

В мои 63 ко мне обращаются «девчушка» или ещё хуже «тётенька». Причём слышишь это не от детей, а от взрослых мужчин. Одному я высказала своё возмущение, он ответил: «Хорошо, в следующий раз обращусь к вам «дяденька». Действительно, вернулся за курткой, стал так издеваться. Ему смешно, но он и сам смешон.

А хуже всего работать на корпоративах крупных банков. Там можно услышать: «Почему ты мне не улыбаешься? Поддавать одежду надо ласковее». Ненавижу барские замашки, с какой стати одни считают, что они лучше других? Ведь никто не родился в гардеробе, у нас работают бывшие главные бухгалтеры, сотрудники администрации, инженеры. От клиентов нас отделяет всего-то гардеробная стойка.

Елена ВИКТОРУК: «Достоинство без раболепства. Не надо любезничать с плохими людьми».

А со специалистом по деловой этике, доктором философских наук, профессором кафедры философии, социологии и религиоведения КГПУ им. В.П. Астафьева поговорим о том, как и когда изменилась наша мораль, почему в конфликт тянет именно в общественных местах и что творится во внутреннем мире грубияна.

— В солидной организации нельзя опаздывать, нецензурно ругаться, принимать душ следует два раза в день, если речь идёт о пищевом бизнесе. В школе учителю нужно говорить «Вы», вставать, когда он заходит в класс. В некоторых религиозных конфессиях женщины едят отдельно от мужчин, надевают на голову платок. Этикет — это система правил, эффективно работающая в стабильных устойчивых условиях. А транспорт, гардероб, супермаркет — переходные динамичные состояния, где смешиваются люди разных социальных слоёв и культур, поэтому возникает много недовольства.

Я езжу на автобусах и делаю интересные наблюдения: вообще-то восточные мужчины не переносят, когда не уступают место женщине, это противоречит их традициям. Но сейчас молодые парни из южных республик продолжают ехать сидя, когда входит немолодая женщина. Причём внешне заметно, что им не по себе, понимают, что ведут себя плохо, но в то же время они не на родине, а в чужой стране, усталые, далеко не успешные, им не до хороших манер, тут бы просто выжить! Да и у русских мужчины копируют тип поведения. Общественный транспорт — площадка таких переходных моделей поведения, люди здесь часто выходят за рамки приличия.

Гардероб, маршрутка — это сфера обслуживания, а в нашей стране всегда были проблемы с сервисом. С 1917 года твердили: «Холопов у нас нет». Такова идеология коммунизма. Сфера обслуживания была непрестижной. Теперь времена изменились, но психологию поменять тяжелее... Но надо сказать честно, изменения в лучшую сторону очевидны: вежливость становится жизненно важным запросом, идущим от «маленького» человека, а не постановлением «сверху».

— Как тогда быть работникам сферы услуг, смириться?

— Нужно держать в голове формулу этикета: стараться быть вежливым без раболепства. Общаться с клиентами учтиво, но не позволять задевать собственное достоинство.

— А как бороться с хамством? Стоит ли доказывать человеку, что он не прав?

— Недавно в автобусе наблюдала случай: в час пик кондуктор просит рассчитаться за проезд прилично одетую девушку, но пассажирка вызывающе отвечает: «Я же сказала, у меня сегодня нет денег! Я забыла, что вы ко мне пристали? Хотите, я завтра передам на ваш маршрут эти 22 рубля!». Обычно кондуктор в такой ситуации начинает сильно и агрессивно хамить, но в этот раз она тихо спросила: «Почему вы разговариваете со мной таким тоном? Я бы всех бесплатно возила, но в салоне стоят видеорекамеры, и меня проверяют, не ворую ли я». У пассажирки сразу пропал пафос справедливого борца за свободную жизнь. Она извинилась.

Этичное поведение кондуктора в ответ на выпад оказалось эффективным, но в следующий раз это может не сработать. Один из принципов делового этикета — ситуативность. Однозначных советов нет, но есть известные отработанные стратегии. Например, что делать молодым специалистам, когда старшие коллеги рассказывают пошлые анекдоты? Смеяться, даже если это не нравится? Шаблонный ответ по этикету: «Я не думаю, что это смешно». Можно мягко улыбнуться. Но, прежде всего, мысленно выбрать: смириться и избежать возможных проблем ради зарплаты, или вам всё это настолько претит, что терпеть уже нет сил? Всё время переступать через себя — вредно. Может, имеет смысл, пока не закончилось болезнью, сменить работу.

— А если от хамства начинает трясти так, что забываешь слова и вообще всё вокруг?

— Умение оставаться человеком в нечеловеческих условиях — очень ценное качество, оно называется этической компетентностью. Если она у вас есть, сможете быть и хорошим боссом, и достойным подчинённым. Чтобы выработать это в себе, нужно знать базовые принципы делового этикета. Например, принцип устойчивости первого впечатления, принцип «бесполого сообщества», принцип предсказуемости поведения, принцип разумного эгоизма. Принцип позитивности — никогда ни о ком не говорите плохо. Не учите слесаря варить батареи, если вы бухгалтер.

Принцип эмоционального интеллекта учит понимать чувства других людей и свои и действовать соответственно. Вчера я шла на работу, меня и ещё нескольких человек грубо останавливает женщина и резко спрашивает: «Где тут Ады Лебедевой, 101?» Её тон наглый, как будто мы ей что-то должны. Можно было бы рявкнуть в ответ, но вовремя пришло понимание: она просто потерялась в большом городе и сейчас, как ребёнок в отчаянии, не знает, что делать. Я советую обратиться к молодёжи, чтобы открыли навигатор в телефоне и подсказали путь. Подумав пару секунд, женщина измученно обращается к прохожей девушке: «Миленькая моя, помоги ты мне, пожалуйста...». Принцип эмоционального интеллекта позволяет увидеть, что рядом с вами не злодей, а человек в определённой жизненной ситуации.

— А как повестись на место наглого начальника и при этом остаться на прежнем месте работы?

— По этикету правильно сказать: «Меня учили, что это не этично, такие вещи не говорят». При этом, если начальник ругает вас за дело, имеет смысл добавить: «Мне очень жаль, что эта ситуация случилась». Нельзя терять лицо: если вы не показываете, что вам что-то не нравится, значит, позволяете так обращаться с собой. Нужно правильно подбирать слова и уметь аргументировать.

Если хамят по телефону, вы вправе положить трубку. Случилась откровенно вызывающая ситуация — встаньте и уйдите. Это демонстрация. Ещё один вариант нейтральной формулировки: «Большое спасибо за урок, не думал, что такое возможно».

Бывает, срывает внезапный ответ. История из жизни учителей: в женском коллективе завёлся наглый физрук, он заходит в учительскую и спрашивает: «Ну, женщины, что грустные-то такие, не спит, что ли, с вами никто?». Первая реакция — все захохотали от возмущения, но через пару секунд одна из педагогов нашла, что сказать, причём без вызова: «Возможно, вы нас недооцениваете». Физрук вышел озадаченный. Это тоже стратегия — как бы не заметить хамства, пошутить. Прокручивайте варианты своих действий

в уме и выбирайте нужный, будьте выше своего обидчика.

— Бывает, хочется сказать человеку в глаза, что он подлец. Раньше считалось, что это смелый поступок, а теперь?

— Это поступок, который имеет последствия для человека, а иногда и для его семьи. Но плохие люди есть, их немало, и порой они не достойны того, чтобы с ними здоровались. В этикете прописаны ситуации, когда не подают руку. Не надо любезничать с плохими людьми — это подтвердят вам психологи: иногда не быть вежливым — полезно для здоровья.

Кстати, сказать подлецу, что он подлец — это психология так называемой реактивной культуры, например, японцев с их харакири. По принципу: «Вы неправы, поэтому я убью себя». Благородство самурая — можно пожертвовать даже жизнью, отстаивая свои принципы. Назвать вещи своими именами, не глядя на чины, — подвиг камикадзе. Но нужно рассчитывать последствия, а может быть, попытаться пойти дальше, понять, почему подлец стал подлецом. Высшая этика гласит, что людей, которых нельзя изменить, не бывает. Проблема в том, что мы не знаем, что и в какой момент делает из подлеца хорошего человека. А вдруг это вы и разговор с вами?

— Такое ощущение, что раньше люди были строже к себе, а сейчас расхлябаны и позволяют то, что нельзя. Мораль становится слабее или просто меняется?

— Мораль развивается. Учёные выделяют три этапа в развитии общества. Первый — аграрное с традиционной моралью. Это когда предписанные правила незыблемы, вы не можете их регулировать и отрицать. Почитай старших, жена да убоится мужа своего — такие законы действуют всегда в семьях, в религиозных и национальных сообществах, в племенах, в деревне.

Второй этап — индустриальное общество и рациональная мораль. Мы выполняем требования до определённых границ, но есть и пространства свободы. Я работаю в банке, соблюдаю дресс-код, а на вечеринке вставляю в нос серьгу и хожу в рваных колготках, потом снова перевоплощаюсь в стандартного клерка... Нормальная урбанистическая модель.

Третий этап — постиндустриальное, информационное, глобализованное общество и пострациональная мораль. Мы живём в эпоху «ранней глобализации» или «поздней модерности», где нормы и принципы перемешаны и в определённой степени даны нам на выбор. Субкультуры эмо, готы — наглядный пример такого «микширования» ценностей. В пострациональной морали анализируются сами понятия добра и зла, утрачиваются их традиционные смыслы. Коллективизм — хорошо или плохо? В традиционном обществе хорошо, в рациональной морали высоко ценится индивидуализм; что вам ближе? Уважение к старшим: может, это лишнее, и они не заслужили? Традиционное — жена да убоится мужа своего; пострациональное — а чего его бояться, я зарабатываю больше! Вы можете выбирать, каким быть, курсировать между разными этикетными системами, вариантов много, но и ответственность возрастает. Нужно быть умнее, сообразительнее и быстро переключаться, если, конечно, хотите быть успешным.

И нельзя сказать, что культура деградирует. Мне нравится выражение «Культура ушла далеко вперёд, бескультурье осталось на месте». В современной морали всё перемешано, но появляются новые хорошие правила поведения и ценности. Например, положительное отношение к человеку, независимо от того, как он одет. Умение видеть в человеке личность, а не национальность. На место благотворительности и меценатства приходит краудфандинг — «народное финансирование» с использованием Интернета и социальных сетей: поддержка слабообеспеченных людей (сбор средств на лечение и операции), культурных проектов, стартапов.

Флэшмоб — абсолютно новая форма демонстрации приверженности тем или иным ценностям. День объятий, парад невест, флэшмоб в поддержку грудного вскармливания — это примеры утверждения подлинно человеческих ценностей: семьи, доброты, заботы, порядочности и достоинства.

— Как соотносится этикет и порядочность?

— Этикет как внешняя формула поведения позволяет произвести впечатление, чтобы общество приняло тебя, при этом вполне возможно быть подлецом. Подавать пальто и руку, вежливо здороваться и прощаться, но предавать. С другой стороны, можно быть глубоко порядочным человеком, но не расшаркиваться перед другими.

Ещё Фаина РАНЕВСКАЯ говорила, что лучше быть хорошим человеком, ругающимся матом, чем тихой воспитанной тварью.

Обратная сторона этикета — неискренность. Веду себя соответствующе, потому что хочу большую зарплату и признание. Вообще, любая культура — фильтр, который отделяет «своих» от «не своих». Чем больше этих фильтров, тем культура сильнее.

Сейчас очень популярны вопросы — что говорить работодателю. Этим интересуются вполне взрослые опытные люди, всю жизнь отработавшие в офисе, но часто даже не отдающие себе отчёт в том, что есть темы-табу, которые не обсуждают на работе. Вы знали, что нельзя говорить о здоровье, личной и сексуальной жизни, обсуждать стоимость чужих вещей и размер зарплаты, политические и религиозные крайности?

— Наверное, все теряются: а о чём же тогда говорить?

« —

— Хорошие новости, театры, книги, кино — отличные темы для беседы с коллегами за обедом. Если нельзя обсуждать чей-то развод, то свадьбу, рождение детей — пожалуйста. О личном болтать неправильно ещё и потому, что знание этой лишней информации позволяет манипулировать вами, идти на фамильярность, да и вообще это не в интересах дела и бизнеса. Так считают на Западе, а ведь весь деловой этикет идёт к нам оттуда.

» —

— Может быть, говорить о личном на работе — национальная черта россиян?

— Российскую деловую культуру характеризуют как отношения к делу. Мы принимаем бизнес-решения за столом, а может, и в сауне. Панибратство, блат, родственные связи — весомые факторы успеха в России, а на Западе важнее всё-таки объективные показатели — резюме и необходимые навыки.

Особенности поведения бизнесменов в разных странах давно изучаются как особенности кросс-культурной коммуникации. Это очень интересно. Предположим: канадец и итальянец (представители двух разных деловых культур — моноактивной и полиактивной) решили играть в теннис. Канадец придёт за пять минут до начала, переоденется и будет ждать на корте. Итальянец встретит знакомого, разговорится, уговорит его пойти вместе на теннис, ведь он может играть и одновременно болтать с двумя незнакомыми между собой людьми. Канадец разозлится, итальянец не поймёт почему.

Нам эти знания необходимы сейчас, потому что Красноярск — город, где встречается много культур. Сюда приезжают китайцы, корейцы и другие иностранцы, они улыбаются, но это не значит, что они с вами согласны. Просто это модель поведения реактивной деловой культуры — не потерять своего лица и не допустить того, чтобы партнёр потерял своё лицо.

— Как обратиться к человеку в гардеробе, на улице?

— Есть правильные и неправильные обращения. Неправильные — по признаку пола: «женщина», «девушка», «молодой человек». Последние два уместны только для молодёжи! По отчеству — «Петрович», «Михалыч» — тоже не надо. Куда лучше безличное — «позвольте», «будьте любезны». Можно обратиться «господин», но тогда указать фамилию или должность. «Сударыня» — упрямство, но актуально ли?

— Спасибо за практические советы. Кстати, а как правильно ответить на благодарность?

— Обычно говорят «пожалуйста», но это звучит так примитивно! И совсем не эффективно для продолжения коммуникации. Попробуйте так: «Обращайтесь, пожалуйста!», «Мне это было сделать не трудно», «Это моя работа». Запомните удачные формулировки, фантазируйте. В эпоху ранней глобализации мы создаём этикет для будущего общества, и, если захотим, то вежливость не будет редкостью.

Знать травинку в лицо

В детстве деревья действительно были большими: красноярские улицы на открытках выглядели аллеями. Леса вокруг города были гуще, трава — в прямом смысле зеленее... Но многое ещё можно восстановить. И то, что 2017-й назван Годом экологии, уже внушает надежду, считает доктор биологических наук, профессор кафедры водных и наземных экосистем СФУ Николай СТЕПАНОВ, первооткрыватель более тридцати видов растений и научный редактор Красной книги растений Красноярского края. Мы поговорили с профессором о городском ландшафте, Ергаках, огромных кедрах, брошенных в тайге, растениях, которые живут у нас уже больше сотен миллионов лет: и необыкновенных красноярских липах, и разных видах жарков.

— Николай Витальевич, насколько своеобразен растительный мир Красноярского края?

— Природа края чрезвычайно уникальна. К сожалению, пока это не до конца осознаётся. Почему? Во-первых, край очень большой. И даже самые обжитые южные районы исследованы недостаточно. Если сравнить с соседними Алтаем и Байкалом, то там степень изученности выше на порядок. И это при том, что академические исследования проводились у нас ещё со времён Петра Первого...

На то, что в крае огромное количество объектов только предстоит изучить, косвенно указывают постоянные находки новых для нашего региона видов. Особенно много их в Саянах, которые являются одним из центров биоразнообразия в Евразии: здесь сохранилась масса древних растений. Причина в том, что развитие биоты за миллионы лет на территории края не претерпело катастрофических изменений. И если Север был уничтожен ледником около 40 тысяч лет назад, то в горах Южной Сибири ледники не спустились вниз, не нарушили древнюю флору и фауну. Сохранившимся у нас видам десятки и даже сотни миллионов лет — это живые ископаемые!

Кроме того, в растительном мире и сейчас продолжается видообразование. Природные условия гор контрастны, там активно идут эволюционные процессы. Вот, собственно, два источника богатства красноярской флоры.

— А растений, которые находятся на грани вымирания, в крае тоже больше, чем где бы то ни было?

— Действительно, на больших территориях исчезает много растений. Но существенная опасность, на мой взгляд, в том, что они уничтожаются нередко ещё до того, как о них становится известно. Например, создали Саяно-Шушенское море. Под воду ушли скалы, древняя долина Енисея. Сколько видов там исчезло навсегда — мы не можем даже предположить. А, к примеру, в Западной Европе флора столь подробно изучена, что там знают все участки, где растут редкие виды, и их не трогают, растениям ничто не грозит.

У нас есть ещё и такая беда: чтобы создать памятник природы, заказник или микрозаказник, нужно пройти очень сложную процедуру. Требуется не просто подробнейшее обоснование, но и согласование с различными инстанциями, местными и федеральными. С геологами, например, что на территории нет полезных ископаемых. Надо провести и общественные слушания. Зато когда продают лес, мы узнаём об этом внезапно, нас просто ставят перед фактом без всяких обсуждений. Например, сейчас на юге края, в Ермаковском районе, самые ценные участки древней черневой тайги сдали в аренду на 49 лет.

— Получается, чтобы сохранить лес, надо побегать, а чтобы уничтожить, ничего не требуется.

— Да. Мы уже больше 20 лет бьёмся, чтобы сбегать уникальную реликтовую тайгу на юге края. Её резервируют, но создавать там охраняемую территорию не дают. Как только заканчивается срок резервирования, сразу со всех сторон начинают лезть: «Отдайте нам».

— Сколько заказников нужно краю?

— Сложно сказать о количестве. Мы предлагаем охранять лес и другие экосистемы в разных районах, по мере поступления данных. Наиболее ценная территория, отмечу ещё раз, это юг края, начиная с широты Красноярска.

Интересно то, что наибольшая угроза исходит не от какого-то частного лица. Наши редкие боры уничтожаются в промышленных масштабах! И это при том, что край богат лесом, есть где его рубить. Зачем трогать участки в 1 кв. км, когда ведь есть территории, где деревьев много сотен квадратных километров? Но почему-то пилить хотят именно там, где уникальность больше всего.

— Много ли в крае растений-эндемиков, таких, которые встречаются только у нас?

— На юге таких видов до 20%, пятая часть. На севере поменьше, там много распространённых повсюду растений. В Приенисейских Саянах зарегистрировано около 2300 видов и примерно 500 из них — эндемики.

« — — — — — »

Некоторые виды красноярских эндемиков уже занесены в Красную книгу, которая объёмом больше, чем Красная книга животных. И даже пока она выпускалась, такие растения продолжали находить.

» — — — — — »

Есть среди эндемиков и давно известные. Например, реликтовая липа Нащокина, как бы промежуточный вид между дальневосточными и европейскими липами, а может быть, и их предок. Весь её ареал в Красноярском крае. Это дерево описали 200 лет назад, и ещё в 1891 году один из первых исследователей, Яков ПРЕЙН, отмечал его плачевное состояние. Растёт липа Нащокина в окрестностях Дивногорска, на другом берегу Енисея, там даже есть Липовый хребет, названный в её честь.

Это дерево уничтожали со второй половины XIX века: выкапывали саженцы и продавали их на базарах, вырубали, потому что место было удобным для заимок. В общем, осталось несколько куртин, в том числе в охранной зоне Столбов. Но даже под охраной нет гарантии, что липа выживет: в сухую погоду там случаются низовые пожары, которые для неё губительны. Каждый раз, когда слышу о лесных пожарах, сердце ёкает: только бы там не горело! В общем, если не принимать меры, думаю, наша особенная липа исчезнет, и это будет серьёзная потеря.

— А какие местные растения из цветковых самые интересные?

— Жарок Виталия, например. Он встречается в субальпийских высокогорных лугах парка Ергаки

и только там. В серединке у него будто языки пламени, не как у обычного жарка. Он более яркий и очень крупный. Тоже внесён в Красную книгу края, но гарантий его сохранности нет. Вот если растение попадает, например, в Красную книгу России, шансов выжить у него больше, поскольку по закону любое строительство, освоение земель, где оно произрастает, подразумевает экологическую экспертизу. Для каждого вида федеральной книги определён ущерб, всё подсчитывается. А по краевым Красным книгам такого нет. К сожалению, на каком-то уровне закон тормозится — в чьих интересах, понятно.

Жарку Виталия не повезло ещё и потому, что в Ергаках он произрастает в хозяйственной зоне, там, где разрешена застройка. Его там целые поляны. И вот приезжают бизнесмены, видят это огненное поле и говорят: какая красота, тут-то мы и будем строить! Но если построят, жарков там уже не будет.

— Почему у жарка такое имя и как вообще новым видам придумываются названия?

— Я назвал жарок в честь своего отца, естествоиспытателя. Кстати, он нарисовал много рисунков к Красной книге растений края, больше 250. Вообще же над книгой работало много художников. А фотографии наших растений, более 2000 снимков, можно посмотреть на сайте www.plantarium.ru.

Иногда придумать имя растению бывает довольно сложно, хочется, чтобы оно было звучным, запоминающимся. Энтомологи в этом плане пошли вразнос — у них есть и муха-цокотуха, и кикимора болотная.

Растения часто называем по топонимам. Есть много саянских видов, енисейских. Одна из незабудок, которую я описал, носит имя незабудка ергакская. Моя коллега из педуниверситета открыла орхидею и назвала её гнездовка красноярская.

Или вот ещё один замечательный цветок, найденный в Ергаках, — кандык саянский. Он был описан сравнительно недавно, и его долго принимали за другой вид — кандык сибирский, который меньше размером, имеет генетические отличия, выглядит немного иначе. Цветы появляются, как только сходит снег. В Ергаках, на их низкотравных участках, можно увидеть целые фиолетовые поляны.

— Есть ли в Красной книге ягодные растения и грибы?

— Да, мне приходилось описывать, например, черноплодную клюкву. А местное население в Саянах рассказывает о гигантской кислице размером с ранетку. Слышал о ней из нескольких источников. Говорят, что, например, пока мужчины собирали два мешка кедровых шишек, женщина набрала четыре ведра такой ягоды. Мне эта кислица пока не попадалась, но показали места, где нужно её искать. Одно из них, к сожалению, уже отдали в аренду на полвека.

Микологи тоже постоянно открывают у нас новые виды, недавно стало известно о произрастании в крае редкого реликтового вида грибов. Заниматься этим направлением сложнее, потому

что грибную коллекцию так просто не сделаешь, нужно ещё и прижизненное описание. Определить цвет, вид, на вкус попробовать — это важный диагностический признак грибов.

В Саянах много необычных растений. Та же черемша — есть высокогорный вид, растения которого имеют черешки с мизинец толщиной и высотой до метра, сладкие на вкус. С ними надо ещё разбираться.

Описание вида — это не точка, нужны ещё генетические исследования, анализ роста растения в культуре, чтобы сложилась ясная картина. Что я могу сказать точно — все растения полезны. А если таких сведений нет, значит, их свойства пока ещё не открыты. Анализируя 2300 видов, я отметил, что для 90% есть публикации о том или ином применении. И только о 10% никто ничего не знает.

— **Николай Витальевич, а сколько всего видов вы открыли? Как происходит открытие нового вида и какова официальная процедура его регистрации?**

— Недавно считал: 33. В этом году цифра вырастет, лежит ещё много материалов. Опубликовано около 130 статей в наших и зарубежных журналах.

Открытие всегда случайно. Включаются какие-то интуитивные механизмы. Идешь — и вдруг тебя потянуло в сторону, а там...

— **Надо все растения знать в лицо, чтобы понять, какие видишь впервые.**

— Да, причём знать и их изменчивость, представлять, в каких пределах они меняются. И вот тебе попадает то, что не вписывается в изменчивость, и тогда начинаешь наблюдать пристально, иногда долгие годы. Многие виды по 20 лет растут у меня на огороде, прежде чем я решаю делать выводы. Пересаживаю, смотрю, как они ведут себя в культуре, как размножаются. Чтобы понять, новый вид растений перед тобой или нет, надо сравнивать.

Что касается процедуры регистрации, то тут свои правила. Обязательно должны быть подтверждающие материалы — гербарные коллекционные образцы. Плюс публикация в серьёзном научном журнале, описание; раньше оно требовалось на латыни, теперь разрешается на английском. Также выделяется типовой образец, эталон вида, на который идёт отсылка.

— **Кроме вас многие сибирские ботаники являются первооткрывателями растений?**

— Да, и в нашем педуниверситете, и коллеги в Томске, Новосибирске. В ботанических журналах постоянно публикуются статьи о новых видах. Наш регион имеет большой потенциал.

— **Иностранные ботаники приезжают посмотреть?**

— Конечно. Они очень мало знают о Сибири. Мне приходилось работать со швейцарскими специалистами. Наши просторы произвели на них огромное впечатление. Поражаются, когда узнают, что наши Саяны вдвое больше Кавказа и по площади сопоставимы с Францией. Или вот, ехали мы через Ергаки, длина трассы, проложенной через парк, 100 км; для них это было шоком.

— **Есть ли у вас ученики с таким же энтузиазмом поиска новых видов?**

— У меня было много студентов, сейчас они где только не работают — и в краевых структурах, и в дирекции по охране природных территорий. С их стороны встречается понимание, это помогает в работе. А что касается энтузиазма... Ситуация сейчас сложная, а изыскания приходится делать за свой счёт. Здесь у человека должен быть такой интерес, что и затраты не останавливают. Есть, конечно, и те, кто остаётся на кафедре, некоторые идут глубже, в генетику. Но вообще желающих заниматься природой мало. А ведь наше направление очень перспективное.

— **Вы каждый год выезжаете на полевые?**

— Конечно. Тем более в окрестностях Красноярского края много всего интересного, можно далеко не уезжать. Точно в этом году поедем со студентами на биостанцию в район Приморска, где отыскивается много древних отпечатков растений и окаменелостей.

Вообще, мне приходилось ездить немало во время работы над Красной книгой — я был её научным редактором. Над изданием работал большой коллектив — человек 30, специалисты из Москвы, Новосибирска в том числе.

— **Книга обновляется? Кто принимает решение о включении в неё растений?**

— Переиздаётся раз в 10 лет, это официальный документ. Виды вносятся в книгу по решению комиссии при краевом министерстве природных ресурсов. В нашей Красной книге самые разные группы растений, есть и лишайники, и грибы.

— **Какие из них самые древние?**

— Папоротники, лишайники, плауны. Есть, например, среди плаунов травки, которым по меньшей мере 100 млн лет. Причём это потомки больших древовидных плаунов, из которых образовались залежи каменного угля. Эти 40-метровые растения росли в заболоченной местности. А их потомки размером всего-то со спичечный коробок. Их вытеснили конкуренты, и плауны нашли себе место только на дне водоёмов, но абсолютно чистых. Недавно их отыскали в Ергаках и Можарском озере.

Или вот селлагинелла — тоже очень древнее растение, сотни миллионов лет назад покрывавшее землю. Оно продаётся в цветочных магазинах. Требуется очень большой влажности и идеально для террариумов.

— **Есть ли вымирающие виды среди всем известных растений, которые люди продолжают рвать букетами? Например, жёлтые лилии, которых полно на Татышеве, исчезают?**

— Жёлтый красоднев внесён в Красную книгу, но вырвать его совсем, я думаю, не получится. А жарок Виталия в Ергаках под угрозой, его охотками рвут.

— **А подснежники?**

— Прострел или сон-трава, которые продают, не относятся к исчезающим видам. Но вот кандык... Его начинают продавать в Красноярске весной вместе с черемшой. Мы поднимали этот вопрос ещё 20 лет назад, кандык включён в федеральную Красную книгу, и одно растение оценено в 300 рублей. Так что если вы купили букетик, он потянет на несколько тысяч. Призываю не покупать дикие цветы — пусть они остаются в природе! Хотя самое страшное всё же — когда растения уничтожают в результате промышленной деятельности.

Например, на юге края, в Саянах, растут самые ценные в генетическом плане кедровники мира, это доказано учёными Института леса, подтверждено генетиками. С 1994 года мы пытаемся добиться, чтобы этот участок получил статус заказ-

ника. Один из вариантов — присоединить его к парку Ергаки. В своё время, когда парк создавался, хозяйственники легко расстались с высокогорной частью, а вот низкогорные кедровники отдавать не захотели. Кстати, эти леса уже нарушены — самые крупные кедровые деревья были вырублены ещё в 1960-е годы леспромпхозами. Встречались такие огромные деревья, что после спиливания их не смогли вывезти. Так и побросали, я встречал их немало. В Каратузском районе есть такой кедр, спиленный и брошенный. В его дупле охотники сделали избушку: навесили двери, поставили печку и нары, на которых в полный рост могут сидеть по 3–4 человека! Не жалко же было лесорубам уничтожать такого гиганта! Этим кедром было по 600–800 лет, они патриархи наших мест.

— **Вот и у нас вокруг города вырубают лес, пусть не реликтовый...**

— Красноярские леса — это лёгкие города, их нельзя трогать. Конечно, природа худо-бедно это переживёт, но всё потом отразится на человеке.

Очень печально, что в Красноярске всё меньше и меньше зелени, несмотря на благие планы. Часто дороги расширяют даже не для проезда, а для того, чтобы парковать вдоль обочины машины.

— **А деревья действительно обрезают неправильно?**

— В зелёном строительстве, похоже, нет понимания этого вопроса. Ведь различные породы

должны обрезать по-разному, но даже при том, что тополь хорошо переносит такую операцию, его нельзя резать до ствола. Как можно ждать, когда дерево вырастет, а потом обрубить ему все ветки? В таком возрасте любая обрезка смертельно опасна. Формировать крону надо раньше.

Категорически нельзя так же опиливать вязы — у нас, кстати, есть удачный пример, на острове Отдыха, когда вязы начали формировать вовремя: получились аккуратные шаровидные кроны.

Такой уход за деревьями, как у нас, — это спосособ вывести их вообще.

— **Тополя не деревья, считают власти.**

— Это мне непонятно. Тополь очень быстрорастущее и легко размножающееся растение. В своё время было ошибкой сажать женские тополя с пухом вместо мужских, которые прекрасно размножаются черенками. Хотя даже женские при правильной обрезке не дают семян. Тополя забирают очень много вредных веществ и, думаю, замены им нет, самые грязные районы надо засаживать именно этими деревьями.

Та же история в городе с газонами. Стоило кому-то сказать, что газон — это модно и хорошо, их начали устраивать всюду. Но ведь ухаживать за газоном не просто. А у нас почему-то считают, что достаточно прийти с газонокосилкой. В итоге Красноярск летом выглядит ужасно. Природные травы срезают под корень, и в жаркую погоду эти островки просто сохнут и желтеют. Я считаю, что если вы не ухаживаете за газоном — не трогайте его, пусть трава растёт. Лебеда смотрится лучше, чем жёлтый клочок сухой травы с мусором.

Особенно удручающе выглядит остров Отдыха с такими газонами и обрезанными тополями. Специально так не испортишь. Я не верю, что в нашей службе зелёного строительства нет специалистов, но почему так организована работа, непонятно.

— **Какие деревья, кроме тополей, надо высаживать в городе?**

— Прекрасно выносят городское загрязнение берёзы, рябины, липы, многие кустарники. Из хвойных — сосны, ели. Достаточно большой выбор, чтобы сформировать красивый ландшафт.

— **Есть ли удачные примеры?**

— Мне очень нравится, как озеленяют Абакан. Раньше это был грязный некрасивый город, но сейчас всё очень удачно подобрано, отлично смотрится. В Красноярске же и клумбы, и подбор видового состава растений, и сочетание цветов не выдерживают критики.

— **Есть ли вообще у Красноярска своя ботаническая школа?**

— Да, и довольно старая, ведущая начало из педуниверситета. Там работал профессор Леонид ЧЕРЕПНИН. Я и себя отношу к этой школе, поскольку в аспирантуре новосибирского Центрального сибирского ботанического сада Академии наук моим руководителем был ученик Черепнина. Но ботаническая школа — одно, а зелёное строительство — другое, это прикладное направление, и оно развивается не совсем полноценно. Упор делается на декоративность, однако нужно учитывать ещё и биологию, понимать особенности вида. Ботаники всегда готовы помочь советом, но прикладники у нас вроде как сами всё знают. Результат мы видим.

— **Всегда хочется, чтобы мир вокруг тебя не был безымянным, знать названия растений... Жаль, что таких знаний не хватает.**

— Да, вот и Красная книга издана небольшим тиражом, а ведь многие могли бы её купить.

Эта красота ещё недооценена многими людьми, но те, кто бывает в Ергаках, на Столбах, стараются беречь растения. К сожалению, когда появляется цель заработать, некоторым ничего не жалко.

— **А есть впечатление, что люди всё же стали немного сознательнее относиться к природе?**

— Отчасти да. Об этом стали больше говорить, писать в Интернете. Но при этом есть процент тех, кому говорить бесполезно, тут только кнут поможет.

На самом деле решения по восстановлению природы есть. Если говорить о городе, то можно обновить городские насаждения, посадить ёлку, пихту, у нас много интересных форм и лиственницы, и кедр. Есть ботанические сады, где их разводят, в том числе шаровидные растения, клоны, взятые из природы, подаренные ему. Хочется, чтобы в Красноярске росли наши деревья — ведь когда мы приезжаем на юг, мы хотим увидеть там пальмы, а не ели. А у себя игнорируем свои растения и трясёмся над пальмами. Я не против экзотики в Сибири, но почему мы пренебрегаем своим природным богатством?

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

Станислав Рыбцов
с аспирантками на Дне
открытых дверей
Эдинбургского
университета

«В Британии самая быстрая бюрократия»

В апреле этого года СФУ посетил учёный из Шотландии, с родины овечки Долли, ведущий исследователь центра регенеративной медицины Эдинбургского университета Станислав Александрович РЫБЦОВ — бывший выпускник СФУ (КГУ, 1984 г.). Мы беседуем о вкладе современной биологии в медицинские исследования и регенеративную медицину; о том, что требуется для развития науки в России, Британии и других странах.

Щепетильная тема

— Станислав Александрович, почему вы работаете именно в Великобритании?

— За рубежом я работаю с 2000 года. Сначала в США занимался иммунологией, т.е. природным иммунитетом, воздействием генов семейства фактора некроза опухоли (tumor necrosis factor, TNF) на развитие тканей иммунитета. Потом переехал в Швейцарию, где четыре года тоже занимался иммунитетом, но уже адаптивной его частью. После перебрался в Британию, где законодательство — одно из самых продвинутых и либеральных в мире и позволяет работать с эмбриональным материалом, в том числе и человеческим. Британцы первыми приняли закон, регулирующий получение эмбрионального материала, его контроль и т.д. В основе этого закона лежит так называемый доклад Полкингхорна (Polkinghorne Report), изданный британским парламентом ещё в 1989 г. Но есть в мире страны, где это законодательство просто отсутствует. В России только-только его начали развивать, например, с первого января 2017 года вступил в силу закон о биомедицинских клеточных продуктах. Дело в том, что работа со стволовыми клетками всегда связана с эмбриональным материалом. А это очень щепетильная тема...

Года три назад на первом канале российского телевидения шла передача и обсуждался вопрос об абортгах. Одна женщина говорила, что, дескать, нужно игнорировать мнение православных о запрете абортов. А я бы хотел вернуться к опыту Британии, где законодательство по эмбриональному материалу — это баланс между мнением общества и необходимостью использовать этот материал в медицинских целях. Важно, КАК учёные и медики смогут объяснить обществу эту жизненную необходимость. Есть несколько основных аргументов — помощь больным людям, разработка новых способов лечения смертельных и неизлечимых заболеваний; получение новых знаний о биологии человека, улучшение методов искусственной фертилизации (оплодотворение яйцеклетки сперматозоидом в пробирке, — прим. автора). Вот эти темы и нужно доносить до общества, а на аргумент «на всё божья воля» надо отвечать, что божья воля также распространяется на докторов и учёных, которые помогают больному справиться с недугом.

Если в Германии католическая церковь оказывает существенное влияние на общество, то и законодательство идёт у неё на поводу под влиянием общественного мнения католического большинства (там существенно ограничили работу с человеческими эмбрионами и запретили патентование биотехнологических клеточных препаратов, получаемых из эмбриональных стволовых клеток). В Британии же учитывают, что дискуссия

между различными религиозными организациями — очень важная часть законодательного процесса. Таким образом, хоть религиозные группы и оказывают большое влияние на общество и законодательство — они лишь часть его.

Химеры, несущие благо

В русском языке слово «химера» в переносном смысле — необоснованная, несбыточная идея. В греческой мифологии — чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы, хвостом в виде змеи. А вот в учёной среде — это организм, состоящий из генетически разнородных клеток — вполне себе полезная штука, один из способов создания искусственных органов.

— Сейчас вышло много интересных работ по созданию химер, — просвещает С.А. Рыбцов. — Сами понимаете, выращивать орган с нуля в пробирке — это довольно сложная задача. Когда же выводят химеру — берут ранний эмбрион (например, быка или свиньи) и смешивают с эмбриональными стволовыми клетками человека. После подсадки в матку животного начинает развиваться эмбрион, ткани которого будут состоять из человеческих клеток и клеток животного.

Законодательство в Британии раньше было очень строгое, разрешали подсаживать в матку коровы или свиньи (срок беременности такой же, как у человека) и выращивать эмбрион только до 14-го дня развития. Однако если развить эмбрион чуть-чуть подольше, то появляются зачатки органов, и тогда можно наблюдать вклад в зачатки органов человеческих клеток. И в январе 2017 года продлили срок разрешённого развития эмбриона в матке с 14 до 28 дней. Так, в Эдинбурге уже получена иммунодефицитная свинья, которая фактически принимает без отторжения любые органы человека и животных. В ней можно было бы выращивать человеческие органы и ткани.

Кроме того, если взять стволовые клетки животного, в которых будут выключены гены, отвечающие за развитие какого-то определённого органа, то человеческие клетки, имея преимущество, будут фактически создавать «заказанный» человеческий орган, скажем, почку или сердце, и не нужно будет годами ждать донора...

Пока эти эксперименты только начинаются и до клинической практики ещё далеко. Например, полученный вклад человеческих клеток в эмбрион свиньи всего около 0,001%, но это позволяет уже сейчас использовать такие ткани для проверки лекарств, исследования человеческих болезней и понимания особенностей регенерации органов. России важно не пропустить момент и включиться в подобные исследования, чтобы в будущем не стоять в очереди на покупку продуктов новых медицинских технологий за большие деньги.

Сердце на вырост

В начале апреля 2017 года зарубежные и российские СМИ, в том числе «РИА Новости», опубликовали сообщение о том, что японские учёные успешно применили мускульные «заплатки» из стволовых клеток для лечения людей, страдающих от сердечной недостаточности. Если бы не эта смелость, некоторые пациенты просто могли не дожить до трансплантации. А ещё раньше японские учёные собрали из стволовых клеток полноценные копии различных органов, таких как почки, печень.

— Станислав Александрович, какие ещё есть важные исследования последних лет в области биологии применительно к регенеративной медицине?

— На смену эмбриональным стволовым клеткам приходят индуцированные плюрипотентные стволовые клетки (иПСК/ iPSC) — это самое большое открытие в биологии последних лет профессора Киотского университета Синъя Яманаки (в 2012 году он получил за них Нобелевскую премию). Клетки iPSC позволяют обойти этические проблемы использования ранних эмбрионов человека и могут быть выделены из различных тканей взрослого организма. Из любого человека можно создать такую клетку. Затем человеческие стволовые клетки смешать со стволовыми клетками животного и получить химеру. При подсадке в матку, например иммунодефицитной свиньи, можно получить эмбриона, который содержит ваши органы и ткани. Так в будущем при развитии этих технологий возможно вырастить, скажем, сердце полностью с вашими клетками. Абсолютно ваше!

Обновлённая кровь

— Рак крови — одно из самых страшных заболеваний современности. Какие эксперименты в гематологии вселяют надежду?

— Можно вырастить для себя новую кровь. В центре регенеративной медицины в Британии мы исследуем кроветворение и обнаружили, что первая стволовая клетка крови возникает на 32-й день развития эмбриона в его аорте, а приблизительно на 45-50-й день эти клетки мигрируют в эмбриональную печень и там размножаются.

Созданы иммунодефицитные мыши — NSG. У такого животного выключено два гена — ген, отвечающий за размножение t- и b-клеток, и ген, отвечающий за то, чтобы эти клетки созревали. Кроме того, у этой мыши очень плохо работают макрофаги, т.е. фактически почти вся иммунная система выключена. Эта мышь удобна тем, что можно в неё поместить любые человеческие ткани и их исследовать, и она не будет их отторгать. Мы поместили в животное одну кроветворную стволовую клетку, и в течение 6 месяцев эта клет-

ка размножилась до тысячи. Если из мыши взять полученные новые стволовые клетки крови, то десяти будет достаточно, чтобы восстановить иммунную систему взрослого человека! То есть если в мышь посадить одну такую стволовую клетку abortивного эмбриона, то полученных клеток хватит на восстановление иммунитета у 100 больных! Главное, чтобы данный эмбрион совпадал по генам гистосовместимости с пациентами — это один из самых больших шагов, сделанный именно в британской науке. Удалось получить и размножить стволовые клетки с высокой регенеративной способностью.

Другое направление — это получение эмбриональных химер, где есть вклад в стволовые клетки крови. В этом случае можно будет создавать стволовые клетки крови из iPSC-клеток, полученных от пациента. То есть создавать его собственную кровь и клетки иммунной системы. Работа в этом направлении начата в 2017 году в Рослине, в том самом институте, где была клонирована овечка Долли.

Природа мстит...

— Кстати, как далеко продвинулась наука после эксперимента с Долли, кого ещё и насколько успешно удалось клонировать, жестоко ли мстит природа?..

— В Рослине всё время кого-то клонируют. Насколько оправданы такие эксперименты? С одной стороны, важно подтвердить принцип, что МОЖНО это сделать, а с другой — реально помогать людям. Взять хотя бы экстракорпоральное оплодотворение. Или недавно британские учёные помогли женщине с тяжёлым наследственным заболеванием. От трёх здоровых людей для неё получили эмбрион (от самой пациентки взяли только ядро, от здоровой женщины-донора — яйцеклетку, в которую поместили ядро пациентки и оплодотворили спермой от мужа пациентки). В результате она родила здорового ребёнка с нормальными рибосомами. Клонирование превратилось в техническую процедуру. И клонировать сегодня человека, взяв ядро из клетки кожи, вполне возможно. Если бы стояла такая задача, то её бы давно решили.

Сейчас в Японии профессор Яманака занимается очень важным вопросом — сравнивает клетки, которые он репрограммировал из кожи, со стволовыми, полученными из эмбрионов, и находит массу отличий. Возможно, часть генов не проходит репрограммирование, и в результате мы получаем некий не совсем молодой организм.

Так зачем клонировать людей? Скорее всего, потомков постигнет участь овечки Долли, которая не очень хорошо себя чувствовала, потому что на современном этапе развития науки мы не достигли даже миллионной доли того, что подвластно Богу...

Запретить нельзя разрешить

— Станислав Александрович, получается, законодательство Туманного Альбиона способствует прорыву в науке и медицине?

— Многие ругаются, что британское законодательство заставляет людей заниматься некой бюрократией. Разрешение по работе с пуповинной кровью мы получили приблизительно год. Но дело в том, что в Британии — самая быстрая бюрократия. Всё делается в установленный срок по письмам, по звонкам, а хождения по инстанциям сведены к минимуму. Конечно, получение разрешения на работу с эмбриональным, человеческим материалом, со стволовыми клетками, с химерами занимает довольно много времени, но это законодательство.

В Китае не так давно были сделаны эксперименты, когда брали оплодотворённую яйцеклетку и во время её деления, с помощью недавно открытой системы CRISPR/CAS9, убрали мутацию (бета-талассемия), вызывающую наследственное заболевание крови, когда человек рождался с анемией, с дефектами развития. То есть геномодифицировали эмбрион. Через год та же группа внесла мутацию в рецептор CCR5. Делеция (от лат. Deletio — уничтожение) части гена CCR5 приводит к невозможности присоединения вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) к Т-клетке. Таким образом, мутантный эмбрион получил устойчивость к СПИДу. Именно в Британии учёные подняли вопрос: смотрите, в Китае делают, а у нас законодательство запрещает генные манипуляции с человеческими эмбрионами. В 2015 году китайские учёные сделали открытие, и буквально через несколько месяцев после их публикации британ-

цы обратились в специальные органы, написали квалифицированную заявку, обосновали её. В течение года проходила проверка, и разрешение на данные эксперименты было получено.

Такая же процедура была узаконена в январе этого года, когда учёные обосновали необходимость продления срока экспериментального развития человеческих химер до 28 дней в матке животных. После общественной дискуссии и законодательного обсуждения такая поправка была принята.

Почему бы и в России не объяснить обществу, насколько важно работать с эмбриональным материалом? Пока же мнение отдельных социальных групп иногда приводит к запретительным мерам в этом вопросе.

РЕПЛИКА

Е.И. ШИШАЦКАЯ, д.м.н., профессор РАН, заведующая кафедрой медицинской биологии Института фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ:

— Уровень ответственности в работах с эмбриональным материалом НЕ ПОЗВОЛЯЕТ вести их без полного соответствия мировым и российским законодательным требованиям. Однако никто не мешает россиянам выиграть совместный с теми же шотландцами проект и реализовать его где-нибудь в Эдинбурге, в регенеративном центре. Перед нами стоит цель — получить фундаментальные знания в области регенерации, а не просто «поработать» в этой сфере.

Вложение в будущее

— Вы думаете, я работаю в Британии потому, что там колбаса толще? — шутит британский учёный с красноярскими корнями и российским гражданством. — Британия не является богатейшей страной мира — Германия богаче, и в Швейцарии, где я тоже работал, очень хорошие зарплаты. Но при всех равных условиях в Британии очень большое внимание уделяют науке, её финансированию, и учёных не беспокоит вопрос, как завтра получить реагенты. А для России, насколько я знаю, это одна из самых основных проблем.

Если говорить о грантах, то в сравнении картина выглядит так: что в России считается мега, в Британии называется программный грант, и его в нашем центре, например, имеет каждая третья исследовательская группа. А если учесть, что ещё и реагенты в России в два-три раза дороже, потому что все они импортные, и оборудование тоже импортное — вовсе безрадостная картина получается.

Если объявлена программа импортозамещения, то в первую очередь замещение должно происходить в науке! В России производят прекрасные ферменты. Знаю, что с 90-х годов работает новосибирская компания «Сибэнзим», продающая свою продукцию даже за рубеж. Много чего ещё можно организовать в нашей стране, если приложить немного усилий. Хотя я понимаю экономические проблемы, с этим связанные. Однако есть люди, отдельные лаборатории, которые кричат: дайте нам эти реагенты! Конечно, чтобы произвести для них небольшое количество реагентов, затевать большую промышленность невыгодно. Но Советский Союз как-то решал эту проблему, говорили «надо» — и делали! А сейчас, если производство в биологии убыточно, хотя просто жизненно необходимо и для больных, и для учёных, его просто не будут поддерживать, потому что невыгодно. Однако если оценить, какие затраты идут на закупки реагентов за рубежом и то, что рынок высокотехнологичных продуктов растёт в геометрической прогрессии, то уверен — сразу это окажется выгодным.

В Британии всё проще: она включена в мировую систему и в связи с тем, что внутри общего рынка — минимальные пошлины, все американские компании там присутствуют и продают ферменты и другие необходимые для нашей работы компоненты. Большой рынок окупает затраты.

В треугольнике

Станислав Рыбцов убеждён в том, что помимо хорошего финансирования науки, в том числе исследований в области регенеративной медицины, нужна чёткая логистика, взаимодействие ме-

жду академическими институтами, индустрией, которая производит современное оборудование, наращивает и дифференцирует в достаточном количестве нужные клетки. Нужна также связь с поликлиниками, где работают очень квалифицированные доктора.

— В Эдинбургском университете центр регенеративной медицины построен рядом с вузовским госпиталем, — рассказывает Станислав Александрович. — Есть свой «биоинкубатор», где выращивают стартапы те компании, которые будут производить что-то для медицины. Интересно, что британцы специально построили этот «треугольник», чтобы было взаимодействие. Когда всё вырастет и принесёт некие конкретные плоды, можно очень легко перемещать знания и создавать технологии, востребованные медициной.

Перезагрузка

— Существуют ли ткани или органы в организме человека, вообще не поддающиеся регенерации? Например, зубы у взрослых людей?

— Японцы уже работают по восстановлению зубов на крысах — выращивают зачатки и получают новые зубы. Но эта работа связана со строжайшим контролем качества. Допустим, получили вы зачаток зуба, а у вас там содержатся клетки мутированные или недифференцированные (незрелые), в результате у кого-то может вырасти зуб с опухолью. Такие работы очень важны, продвигаются очень быстро, учёные публикуют много статей, но в клинику пока мало чего идёт...

— Это ведь британские учёные первыми выявили повышенную способность печени к регенерации и пришли к выводу, что стимуляция естественной регенерации может быть даже эффективнее пересадки?

— То, что печень быстро регенерирует — известная вещь. В Британии, и особенно в Шотландии, где я сейчас работаю, высокий уровень алкоголизма — люди пьют, курят, болеют гепатитами, циррозы печени часто случаются. Пересадка является одним из основных спасительных методов, но сейчас в нашем институте исследуют, как можно собственную печень без пересадки наполнить клетками, способными её регенерировать. Работы пока проводятся на мышах и довольно успешно. Насколько быстро это пойдёт в клинику — сказать сложно, но если это случится, то людям, больным циррозом, достаточно будет просто сделать укол в печень, чтобы через какое-то время она регенерировала.

— И напоследок: будут ли только богатые люди иметь возможность пересаживать себе семь раз сердце, как Рокфеллер, и вообще продлять себе жизнь до максимума, или когда-то чудеса медицины станут массово доступны?

— Если человек ведёт здоровый образ жизни — не курит, не пьёт, соблюдает низкокалорийную диету, занимается своим здоровьем — он легко проживёт до 80-90 лет. Хотя многое зависит и от генетики. В нашей лаборатории мы пытаемся понять, почему эмбриональные стволовые клетки обладают экстраординарным регенеративным потенциалом и почему одна такая клетка даёт тысячи потомков с очень мощным потенциалом в отличие от взрослых стволовых клеток. Сейчас мы делаем такие эксперименты, смотрим различия в генах, но всё это занимает массу времени. Тот же Рокфеллер прожил до 105 лет. Всеми своими манипуляциями и несколькими пересадками сердца он добавил себе лет 15-20. Но на свете не так много людей, у которых возникает критическая ситуация и срочно нужна пересадка органа. Большинство из нас просто убивают своё здоровье тем, что ведут нездоровый образ жизни.

Регенеративная медицина состоит из двух вещей: первая — помощь больному, восстановление иммунной системы, когда это уже необходимо; а вторая — профилактика заболеваний. Одна моя знакомая любит ездить на тропические острова и занимается там подводным плаванием. Она рассказывает, что когда проводит на островах месяц — у неё перезагружается иммунная система. Вокруг Красноярска прекрасные места — тайга, обалденная природа! Если люди будут ходить в лес, в горы, отдыхать на том же Байкале, на источниках, то регенеративной медицине нечего будет делать. Нам останется лишь работать над тем, как продлить жизнь после 90 лет!..

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

Служба на Вербное
воскресенье 2017 г.

История повторяется, когда урок не усвоен

Сепарирование человечности

— Говорят: «суровая Сибирь». Я бы так не сказал. Это скорее образное выражение, которое предполагает какую-то твёрдость, непреклонность. Тем не менее край сибирский своей энергетикой, своим внешним обликом и построением не позволяет человеку допускать ни малейшей ошибки в отношении любого вопроса его быта, существования и продолжения рода. И в русском понимании сибиряк является человеком особенным. Подчас за этим титулом, так бы я выразился, мы совершенно забываем, что это человек, пришедший из Европейской России, с окраин огромной страны. Но в силу совместного труда и выживания он действительно становится неким новым творением и самой сибирской природы, и духовности (а я имею в виду христианскую духовность), которая в этом крае обрела некую оберегающую силу. Человеческое в человеке она как бы сепарировала.

Человеку непрерывно приходилось себя закалять с одной целью: выжить. Более того — обрести в этом выживании счастье, получить наслаждение от труда. А поскольку труд был тяжким, то и достигнутое им самовоспитание сибиряками оберегалось ревностно. Поэтому с первого взгляда их можно назвать бирюками, не допускающими ни в свой дом, ни в свою душу, ни в свою хозяйственность чужого. Но за этим самооберегающим созданием особого этноса скрывается очень жизнеспособная, мягкая, любящая душа, по-особому принимающая Бога.

В настоящее время Сибирь можно изучать по разным срезам. Есть геологический срез, а есть социальный, психологический, национальный. Каждое переселение в Сибирь, происходившее по различным причинам (ссылки, преступники, купцы-промышленники, хлебопашцы), имело свою особенность. И, становясь сибиряками, переселенцы продолжали оберегать то, что принесли с собой. Хорошо это или плохо — не знаю, но меня это зачаровывает.

А ещё можно сказать, что как в горниле очищается золото, или серебро, или медь, так и человек в сибирском плавильном котле. Неслучайно Москву-матушку отстояли сибирские полки. И всю войну, когда враг слышал слово «сибиряки», уже психологически у него опускались руки, вот такая мистическая сила была. Конечно, это вызывает глубокое уважение к людям, которые живут здесь либо приезжают и пускают корни. Эта земля принимает, но она и требует очищения, работы над собой. Иначе замёрзнешь и летом.

— Владыко, ежегодно Церковь проводит Рождественские образовательные чтения. В этом году они были посвящены урокам столетия, стартовавшего с революции 1917 года. Что это за уроки?

— Уроки эти важны, а для Сибири особенно. Ведь здесь не было тотального нашествия нацизма, как на западе страны, где Великая Отечественная война в какой-то мере сгладила противоречия внутри общества. В Сибири, особенно в глубинке (наши ребята знают это, потому что ездят по краю, собирая информацию о новомучениках), люди и поныне живут в противостоянии красных и белых, вспоминают Гражданскую войну.

Уроки революции неповторимы. И главный урок — это братоубийство. Надо дать этому оценку, но и научиться принять историю, простить даже то, что одна часть собственного народа учиняла геноцид над другой частью. Ложная ненависть бесовская и оголтелость дьявольская привели к 1917 году. Мы должны понять — это было безумие, сумасшествие. И не искать виновных ни в правительствах, ни в лидерах, ни в вождях.

Может, я скажу слова, которые кому-то не понравятся, но даже историю Великой Отечественной войны мы пережили мягче. Несмотря на те страшные нечеловеческие зверства, которые принёс фашизм нашему народу и другим, мы поднялись над ненавистью к немецкому народу и не отказываем ему в праве существовать под солнцем, жить, развиваться...

И точно так же не должно быть ненависти в сердце и ко временам Гражданской войны. Церковь давно это сделала. Это боль поколений, но это и вечная история борьбы добра и зла, рая и ада. Революция вызвала на арену борьбы сонм мучеников, и в этом смысле для Церкви это время — благодатное. Именно та Церковь, на которую клеветали, именно те попы, над которыми смеялись, показали великий героизм, все — священники, архиереи, простые христиане, крестьяне и рабочие. И Сибирь тому свидетель. Но никакой мести.

И ещё урок: нельзя опять наступать на эти грабли. А есть силы — я считаю, антирусские, антиправославные, антиинтернациональные, дьявольские силы — которые опять хотят разыг-

Вольные поселенцы и ссылки, охотники и золотопромышленники, казаки и комсомольцы-добровольцы самых разных национальностей — Сибирь всегда населял разнородный народ. А что же являлось скрепами? Что мы знаем о духовной сущности Сибири? И насколько духовность сегодня закладывается как основа образования и общественного развития? Эти вопросы мы обсуждаем с митрополитом Красноярским и Ачинским Пантелеимоном.

рать эту карту, обвиняя уже современную Церковь во всех грехах нашего общества. Эта тема истинно и гротескно поднимается, но так было и 100 лет назад. А этого не должно повториться: чтобы начать с каких-то митингов, протестных явлений (бить витрины, сжигать машины), а закончить убийством людей.

Нужно помнить о расстрелах, о репрессиях, о Соловках, о нашем Енисее, который поглотил тысячи жизней верующих, где их топили баржами; о пытках ни в чём не повинного духовенства. Но не искать потомков палачей. А кто был палач? Как верующий и как гражданин я считаю — дьявол. Революция есть всеобщее сумасшествие, которое отбросило страну так далеко, что она и сегодня не может догнать саму себя.

Урок революции должен дать право нашей нации выстоять в XXI веке и не допустить никаких безумий, а сплотиться народу, как он сплотился в Великую Отечественную войну, отстоять новую Россию, те начала демократии, которые у нас есть. Победить всеразрушающую рутину и грязь, коррупцию, злоупотребление властью. Над этим поколения должны работать. И подняться во всей силе, как Россия может, она это показала не раз за историю.

— В прошлом году впервые был отмечен Собор святых Красноярской митрополии. Не у всех митрополий есть свой сонм святых*. Чем обусловлен, условно говоря, такой статус нашей епархии — у нас что, больше всего новомучеников?

— Тенденция к определению своих земляков — святых, живущих в Царстве Божьем, — она всегда в православном сердце. Для нас это важно ещё дополнительным осознанием, что Сибирь не придаток и не колония, это составляющая единого целого. При этом мы не просто живём в РФ, а являемся её определённым фундаментом. А это должно быть как-то раскрыто.

Бог открывает достоинство народа через прославление святых. Это согревает душу верующим: мы не просто построили здесь храмы, но нас уже заметил Господь. Это как детское стремление быть замеченным мамой, быть чуточку более других ею любимым.

Надо сказать, произошло это установление Собора местно чтимых святых без всякого нашего давления. Синод и Святейший Патриарх увидели в этом состоявшийся акт. И мы можем гордиться тем, что на нашей земле, про которую думают — земля преступников и каторжан — ещё и сила Господа укоренялась, побеждала, перековывала людей. И породила тех, кто за эту землю духовно отдал свою жизнь, не убежал.

А праздновать день памяти красноярских святых мы будем ежегодно 11 июня, в день особо почитаемого сибиряками святителя Луки

(Войно-Ясенецкого). Хотя святитель Лука зовётся Симферопольским, мы чувствуем его духовное водительство и участие в нашей жизни, реальную помощь. Поэтому этот день в календаре как Пасхальный для Красноярского края.

Школа отдельно, церковь отдельно

— Если вернуться к Рождественским чтениям — они носят название образовательных. В какой мере образовательная функция свойственна Церкви, и как Церковь участвует (или должна участвовать) в школьном, вузовском образовании? Когда-то в России были церковно-приходские школы, и все проходили через духовное обучение, а сейчас единичные воскресные школы погоду не делают... Скажем, в Дальневосточном федеральном университете, где на образовательных программах «Религиоведение» и «Теология» обучается более 100 студентов, будет открыта базовая кафедра Приморской митрополии. А что у нас?

— Начну с того, что сейчас ведётся глобальная образовательная работа внутри самой Церкви, работа эта осуществляется на научно-богословской базе, и задачи каждый год меняются, появляются новые приоритеты, диапазон исследований практически не имеет пределов.

Однако нельзя забывать, что в XX столетии в России церковь была отделена от государства, а школа от церкви. И эта законодательная норма существует до сих пор, никто её не отменял.

Поэтому любые взаимодействия Церкви и системы образования базируются на партнёрстве и допустимых законами светского государства возможностях. В каждом регионе, области складываются специфические взаимоотношения, в основе которых — человеческий фактор.

Красноярск очень сложный в этом плане регион. Такого сотрудничества, как бы хотелось, нет. Но нет и абсолютной закрытости системы образования. В некоторых школах мы проводим уроки по основам православной культуры. В вузах взаимодействие происходит на уровне краткосрочных временных встреч. Почему-то до сих пор светское образование опасается говорить о духовности, науке, культуре, истории, просвещении на серьёзной основе. На мой взгляд, это несправедливо. Но мы благодарим Бога и за тот обмен мнениями, что есть.

Что касается базовой кафедры — была кафедра религиоведения вначале в Педуниверситете, потом она закрылась, а некоторые специалисты перешли в СФУ. Никакого контакта с ними мы не имеем. Эти люди, к сожалению, далеки от Православия, они скорее стоят на позициях культурологических и даже религиозно-атеистических. Серьёзного изучения Православия я в них не вижу и сожалею о том, что в своё время как-то участвовал в открытии этого направления. В христианском просвещении это ноль.

Если же говорить о Рождественских чтениях, то их главная цель — вести серьёзный диалог Церкви и общества. Другой площадки у Церкви не будет для открытого разговора о просвещении, образовании, месте богословия и самом человеке. Поэтому мы очень ценим этот форум, который проходит на базе СФУ, и благодарны ректору университета, администрации, преподавательско-профессорской корпорации за возможность такого диалога, это для нас дорогого стоит.

Что прикажете поменять

— Церковь называет себя хранительницей традиций. И действительно многое в установлениях Церкви не меняется веками. Но все ли традиции принципиальны? И не мешает ли приверженность традициям решать задачи просвещения в современном мире?

— Главная задача религии, в особенности христианства, — постоянно поддерживать нравственную норму в человеке через раскрытие божественных установлений, которые не подлежат ревизии, как невозможна ревизия в смерти и рождении.

Форма одежды может быть изменена, но священника, как и военного, и врача, люди должны отличать всегда, потому что он — врачеватель душ человеческих.

Традиция преклонения (не поклонения) перед Родиной также священна, особенно в Православии, она вменяется нам как сохранение своей жизни: мы должны защищать Родину. Незыблема и традиция сохранения семьи и верности.

Какие новые лжетрадиции нам предлагают? Гомосексуальные фестивали, однополые браки,

космополитизм, безответственное, как сейчас, отношение к природе? Они никогда Церковью не будут поддержаны. Так же, как в нравственном понимании не должно быть и домов престарелых, детских домов, а должны быть крепкие семьи.

Нашей традицией является и защита святости власти, потому что это не просто «господин президент», а выбор человека, которому народ передаёт верховную власть. Пусть мы критикуем выборы, но мы избрали этого президента и этих депутатов, и будьте добры подчиняться законам, которые приняты в стране. Оспаривайте в судах, но уважайте власть.

Или совсем простая традиция — женщина должна быть в платке и в женской одежде, что так часто многих возмущает. А ведь это апостольское постановление, а не унижение женщины. Христос вообще — единственный, кто уравнил мужчину и женщину, кто сказал: женщина, где обвинители твои? Нет? Иди и не греши, и Я тебя не осуждаю.

Другой вопрос — Церковь никогда не откажется от учения, что мужчина и женщина только вместе — единое целое. Поэтому феминизму не по дороге с Церковью. Женщина рассматривается как частица целого, которого без мужчины не будет, и мужчина так же. Кроме случая монашества, но это уже духовный подвиг, когда человек берёт на себя испытания и меняет свою природу.

Наконец, служение на церковнославянском языке. Как бы ни призывали нас для «понятности» к переходу на службу на русском языке, мы к этому не готовы — сами прихожане это не принимают, ни пожилые, ни молодые, ни высокообразованные, ни совсем простые.

И получается, что новые традиции — эгоистичны, а значит, унижают человека. Церковь же консервативна.

— Сегодня обострилось противостояние общества и Церкви, мы слышим постоянные обвинения и претензии в адрес отдельных священников и Православной Церкви в целом. Чем это можно объяснить? Не является ли это желанием «закрыть рот» Церкви, чтобы всё, что она говорит, воспринималось: «да вам ли нас учить!». При том что больше-то и некому учить духовности и нравственности. Не творческой же интеллигенции...

— Клевета на Церковь идёт испокон века. О священниках можно сказать — они далеко стоят от святости как люди. И размножаются как червеки, и болеют, и помирают. Но призвание их — служить Господу, они хранители великой истины. Да, есть и будут плевелы, которые недостойным поведением омрачают проповедь Христа, но это нетипично. Однако врагу это нужно, чтобы сеять среди рода человеческого хаос и стремление к самоуничтожению.

* Список красноярских святых

Александр Поливанов, сщмч. (†1919);
Амос Иванов, сщмч. (†1919);
Амфилохий, епископ Красноярский, сщмч. (†1937);
Василий Мангазейский, мч. (†1600);
Владимир Фокин, сщмч. (†1919);
Даниил Ачинский, прав. (†1843);
Димитрий Неровецкий, сщмч. (†1919);
Евфимий Горячев, сщмч. (†1937);
Лука, архиепископ Симферопольский, сщисп. (†1961);
Михаил Вологодский, сщмч. (†1920);
Михаил Каргополов (†1919);
Петр Игнатов, мч. (†1941);
Порфирий Фелонин, сщмч. (†1919);
Стефан Наливайко, мч. (†1945);
Стефан Семенченко, сщмч. (†1919);
Трофим Кузнецов, сщмч. (†1919).

— В Успенском мужском монастыре прошлым летом открылся культурно-исторический центр. Как говорилось в краевых пресс-релизах, миссия центра — развитие на территории края ценностей традиционной российской культуры, создание условий для формирования у жителей Красноярья нравственных, духовных и эстетических идеалов. Центр и монастырь уже начинают именоваться «Сибирской лаврой». Но всё-таки пока это скорее некий выставочный образец. Как наполнить лавру жизнью? Может ли она стать началом отсчёта духовного возрождения Сибири?

— Центр построен как место встречи Православия и светской культуры. В этом направлении он и работает. И набирает темпы. Отцом всего этого просветительского проекта стал председатель Законодательного Собрания края Александр Викторович УСС. А так как он одновременно и президент СФУ, это даёт нам определённые надежды на интеграцию с высшим образованием, со специалистами университета.

В Центре уже открыто много кружков, ведётся экскурсионная работа, есть связи и со школами, и с учреждениями культуры. На мой взгляд, там надо решить один простой вопрос — сделать удобными коммуникации, то есть подъезд транспорта, чтобы жители активнее осваивали эту часть города. Сейчас там ходит один автобус и то очень редко.

Христианин XXI века

— Подводя итог, скажите, Владыко, что в духовной жизни современного христианина появилось обнадёживающего после богоборческого XX века, а что требуется изживать...

— Сейчас осталось мало носителей церковной культуры поведения в храме, в доме, в жизни. Ещё даже послевоенное поколение застало эту традицию, когда люди жили совсем в другой динамике.

Сегодня даже женская одежда изменилась. Женщины что, мужиками стали? Нет, просто брюки удобны — зайти в троллейбус, пересесть в автобус... И требований носить платье мы уже жёстко не предъявляем, ведь главное — душа.

Но активная динамика жизни в обществе (а верующие везде присутствуют — в науке, в культуре, в бизнесе, на государственной службе) не позволяет человеку практически выполнять требования церковной духовной дисциплины, даже при подготовке к таинствам — к причастию, к исповеди. А это значит, нужны другие нормы, и они появляются.

— Можно ли утверждать, что верующие 100 лет назад в большинстве своём придерживались внешней ритуальности, а сейчас стараются больше углубиться в понимание основ христианства, слушают лекции, читают более сложную литературу — и это как раз надо приветствовать?

— Те верующие держали и дисциплину, и постоянно с книжкой в руке были, знали и философию, и богословие. И не было суеверного мракобесия. Верующие были свободны от всякого гадания, от различных мистических веяний другой веры. Они знали, что есть Бог и что Православие — истинное спасение. Поэтому и на смерть шли. А сейчас целый салат в голове, начиная от экстрасенсорики и заканчивая чёрным котом, который перешёл дорогу. Подчас вера основывается на том, чего не было в прежних поколениях — на торговле! Ставлю Богу свечку, а мне за это исполнение просьбы; а не дал Бог — значит, нет его. Сплошное невежество.

Но это оценка лишь одной части верующих. Мы сталкиваемся сейчас с многослойным явлением в церковной общине. Одни действительно знают основы, и вера стала делом жизни, как и должно быть. Другие просто причащаются, подчас не зная — для чего, но очень дисциплинированно. Есть те, кто приходит со своими меркантильными делами. Но и эти, и другие, и третьи, и десятые — все божьи люди, и Господь их не оставит, это уже не наше дело. В храм двери открыты всем: и людям с дурными наклонностями, и ангелоподобным, нуждающимся и богатым, партийным и беспартийным, и мы никогда не имели права давать оценку человеку — этот пригодный Богу, а тот нет.

А вот в сибиряках, я заметил, есть ностальгическое чувство по чистой православной русской вере, чего я не замечал ни на Кубани, ни в Смоленщине, ни в Орловщине, ни в Москве. Вообще в Красноярске интенсивная духовная жизнь, это динамичный город, где-то на грани взрывных перемен.

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

Усадьба как национальная идея

Свой дом да клочок земли — неизбывная мечта россиянина. Мечта, способная, как звезда, осветить всю его жизнь. И остаться «гореть-сиять» над местом его вечного упокоения. Красиво? Да, это вам не мечта каких-нибудь голландцев, у которых всё так легко и просто — взяли да намыли себе землицы, отвоевав местечко у океана-моря.

Почему в России в последние сто лет так сложно стать владельцем даже маленького дома? В позапрошлом веке даже крепостной, по сути дела почти раб, имел собственный дом и двор. Сегодня же мы сидим в железобетонных коробках с видом на стену соседнего дома, да ещё и считаем, что нам очень повезло. И это в стране, где земли столько, что не хватит, возможно, и тысячи лет, чтобы размазать её население тонким, ну просто тонюсеньким слоем хотя бы по одной половинке принадлежащей ей территории. (Согласно последним данным, средняя плотность населения нашей страны составляет 8,6 человека на квадратный километр. Понятно, здесь учтены и наши «плотно заселённые» южные регионы. Плотность населения в нашем крае 1,2 человека на км²).

Как изменить эту противоестественную, абсурдную ситуацию? И вообще, в том ли направлении мы движемся, превращая в нагромождение железобетона свои города, разбросанные на сотни, а то и тысячи километров друг от друга? Попробуем заочно получить ответы на эти и другие вопросы у людей, давно над ними размышляющих и сумевших составить довольно привлекательную и обнадёживающую картину, пусть даже для кого-то и небесспорную.

В собеседники выберем Александра КРИВОВА и Юрия КРУПНОВА — авторов книги «Дом в России. Национальная идея», которая была выпущена ещё в 2004 году. Надо сказать, что в те годы идея своего дома была очень популярна и в профессиональном строительном сообществе, и среди чиновного люда. Популярность эта, конечно, держалась лишь на уровне разговоров. Их, помнится, тогда было с избытком: форумы, конференции, круглые столы... Всё как положено. Народ же продолжал тратить свои время, деньги и жизненную энергию на стихию дачного строительства, стараясь хотя бы частично, в урезанном виде осуществить свою вечную мечту, которую за годы коллективизаций, индустриализаций и прочего построения коммунизма так и не удалось вырвать с корнем из его души.

Но справедливости ради надо сказать, что осознание бесперспективности борьбы с национальным менталитетом, который веками складывался в условиях постоянного расширения территории и строительства всё новых и новых поселений, пришло нашему руководству несколько раньше. Кстати, мечта американцев о собственном доме — не из освоения ли ими диких прерий произрастает? И вообще, рискнули бы тысячи, а затем и миллионы переселенцев пересечь океан, не имея ни надежды рано или поздно получить в награду собственный дом? Но всё по порядку.

В заботе о среднестатистическом гражданине

Начало малоэтажному домостроительству в нашей стране было положено без малого тридцать лет назад Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР за номером 197 от 11 фев-

раля 1988 года «О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства». Документ этот получился во всех смыслах революционным, беря во внимание, что дело было в эпоху оккупации территории Советского Союза серийным панельным нашествием буквально «с южных гор до северных морей».

Но, как говорится, ничто не вечно. Где КПСС с его ЦК и где Советский Союз? Хотя нет, кое-что оказалось очень даже «вечным». Например, многочисленные программы, национальные проекты (и что там ещё было?) по улучшению наших с вами жилищных условий. Всего через каких-то десять лет «ускорения развития» на Межведомственной комиссии по вопросам реализации государственной целевой программы «Жилище» была одобрена концепция программы «Свой дом».

Удивительнейший по полноте охвата проблемы получился документ. Чего в нём только не было: и «конструктивные системы на основе древесины», и «конструктивные системы с использованием мелкоштучных стеновых материалов», и «мелкие блоки из ячеистого и газобетона», и даже «рулонная теплоизоляция»... Всего и не перечислить. Работа была проделана просто титаническая. Что же на выходе? А вот что: «Ориентиром доступности жилья в программе «Свой дом» должна стать стоимость одного квадратного метра общей площади жилья в индивидуальном доме с автономными источниками жизнеобеспечения, не превышающая среднего двухмесячного денежного дохода на душу населения в субъектах Российской Федерации».

И что же это значит? А значит это, что за дом площадью в сто двадцать квадратов (и это при грубом подсчёте и при отсутствии всяких архитектурных излишеств и прочих дизайнерских выкрутасов) среднестатистический гражданин должен отдать всё, что заработает лет за двадцать. (Ну, если, конечно, доживёт на одном хлебе и на одной воде.)

Чему же удивляться, что этот самый «среднестатистический гражданин» вместо того, чтобы броситься в ноги авторам программы с хрестоматийным воплем «Благодетели! Отцы родные!», остался сидеть на месте и дожидаться своей очереди на квартиру, обещанную каждой, ну просто каждой российской семье. (Хотя прекрасно сознавал, что таких «сидельцев» в стране более двадцати процентов от общего числа семей.)

Много урбанизаций хороших и разных

Что же предлагают наши собеседники? Есть ли у нас, по их мнению, шанс оптимально организовать принадлежащее нам пространство и создать свой «Русский дом» в соответствии со своей географией, ресурсами и собственными представлениями о достойной жизни? Оказывается, речь может идти даже не о доме — об усадьбе. И даже о поместье. Но достаточно ли у нас для таких фантазий оснований?

На это Александр Кривов отвечает так: «Вот простой градостроительный расчёт. Если в год со-

здавать по 250 тысяч усадеб в 40–50 соток и по 50 тысяч усадеб в один-два гектара, то это составит соответственно 100–150 тысяч и 150–200 тысяч гектаров. Всего же с учётом территорий общего пользования (дороги, общественные здания и т.п.), составляющих от 10 до 20 процентов площади поместий, ежегодные отводы земли для усадеб должны составить около 350–400 тысяч гектаров. Для сравнения: в США ежегодно под нужды пригородного и усадебного строительства отводится 1,2 миллиона акров, т.е. около 500 тысяч гектаров — при том, что долгосрочная программа строительства жилья ориентирована на продажу к 2025 году около 30 миллионов домов ... для чего потребуется более 10 миллионов гектаров».

Впечатляет, не правда ли? Конечно, Соединённые Штаты — страна большая. Но ведь и мы не маленькая. И вот что говорит Александр Кривов о нашей ситуации: «Вообще, доля территории городов и поселений всех видов составляет в земельном балансе России 1,1 процента, что при уровне урбанизации (доле городских жителей) около 70 процентов следует признать крайне низким показателем. Даже если считать, что благоприятны для жизни не более 40–50 процентов площади страны (с чем, впрочем, можно спорить), то этот показатель вырастет до 2,5–3 процентов. Но и в этом случае он очень далёк от средних показателей других стран: 7–8 процентов, а то и больше. В Германии, например, он достигает почти 12 процентов, а в Англии — ещё выше. И это при естественных географических ограничениях, существующих в благополучных европейских странах».

Иначе говоря, в стране исключительно богатой земельными ресурсами, мы живём чрезвычайно скудно, не используя практически неограниченные резервы для поместно-усадебного расселения, открывающего путь к более здоровому и менее конфликтному гражданскому обществу. При правильном выборе долгосрочной национальной стратегии Россия могла бы переломить неблагоприятную тенденцию и выжить в мире конкурирующих цивилизаций и конкурирующих производителей, где идёт жестокая борьба за территории и природные ресурсы».

Этим высказываниям Александра Кривова вторит его единомышленник и соавтор по книге «Дом в России. Национальная идея» Юрий Крупнов: «Мы считаем, что в основе новой российской урбанизации должен лежать принцип расселения семей родовыми поместьями или усадьбами в составе определяемых транспортными инфраструктурами поселений со свободной и наиболее органичной для данного места формой. Такую урбанизацию мы предлагаем называть поместно-усадебной».

При этом автором подчёркивается, что речь не идёт о дезурбанизации — всё разнообразие и сложность существующих форм городской и сельской жизни должны быть непременно сохранены: «Не ломая и не разрушая, а мощно наращивая инфраструктуры всех типов, мы должны разорвать фатальную зависимость сельских районов и пригородов от расстояния до мегаполисов,

а вместе с тем не потерять и нарастить «посаженную» на природную основу речек и лесов органику малоосвоенных сегодня мест».

Речь здесь идёт о полосах в десять-пятнадцать километров по обеим сторонам железнодорожных и автомобильных магистралей. Сложившаяся вдоль этих магистралей среда может позволить расселять новоиспечённых помещиков (а как ещё назвать хозяина поместья?) на расстоянии от крупного города в сто и более километров. По убеждению авторов именно такая растянутая в пространстве и малоэтажная поместная урбанизация наиболее соответствует исторически сложившейся российской традиции.

Из опыта поместно-усадебного расселения на Дальнем Востоке

Если речь зашла о традициях, то будет совсем не лишним вспомнить об опыте освоения восточных территорий Российской империи, включая территорию Северного Китая. В годы строительства Китайско-Восточной железной дороги, а строилась она с 1897 по 1903 год, возникла и необходимость в новых городах и посёлках. Здесь надо отдать должное нашим предшественникам в деле государственного обустройства — им тогда и в голову не пришло строить многоэтажные коробки на столь отдалённых от центра незаселённых землях.

В отличие от нынешних деятелей у них было понимание, что привлечь специалиста (да и более-менее квалифицированного рабочего) в эту удалённость и пустыньность можно, только дав ему то, что трудно заполучить на насиженном месте — усадьбу. А потому было решено воспользоваться популярной тогда градостроительной концепцией под названием «город-сад», включающей в себя кроме прочего и усадебный способ расселения.

Известный русский и советский градостроитель, доктор архитектуры Владимир Николаевич СЕМЁНОВ вообще считал, что именно эта концепция наиболее приемлема для центров новых провинций — городов Сибири и Дальнего Востока. Кстати, Семёнов сам участвовал в планировке и застройке города-сада в Летчурте, когда одно время жил в Англии. (Он даже вошёл в состав учредительной конференции по градостроительству, которую в 1910 году организовал Королевский институт британских архитекторов. Остаётся только удивляться, что этому не помешало его участие в Англо-бурской войне в качестве добровольца. На стороне буров, разумеется. Удивительные были времена.)

К сожалению, дальневосточный опыт практически забыт. Возможно, в советское время такая забывчивость была связана с окончательной утратой в 1950 году построенной Россией КВЖД. Дорога с дорожным полотном, подвижным составом, постройками и прочая была передана Китаю безвозмездно. Как и город Дальний (нынешний Далянь). Утрата эта и сегодня отзывается в сердце если не болью, то уж досадой точно. Да и опыт строительства городов-садов оказался одинаково неинтересен сначала коммунистической партии, а потом другой организующей и направляющей силе общества — капиталу.

Часть усадьбы уполномоченного на золотых приисках купца II гильдии Митрофана Алексеевича Субботина

справка

Александр Сергеевич Кривов — академик Международной академии архитектуры. В течение нескольких десятилетий занимается градостроительством, архитектурой, руководит проектной деятельностью. Автор крупных комплексов, построенных в России, Узбекистане, Казахстане. Руководил проектированием восстановления Армении после землетрясения в Спитаке. Является руководителем рабочей группы по вопросам стратегического и территориального планирования Общественного Совета при Министерстве регионального развития РФ

Юрий Васильевич Крупнов — российский государственный, политический и общественный деятель. Писатель и публицист, лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Тем не менее идея продолжает жить и, судя по последним инициативам, имеет все шансы вновь стать актуальной. Одна из довольно объёмных статей на эту тему была опубликована во втором номере «Вестника ДВО РАН» за 2004 год. (Надо думать, в связи с «дальневосточным гектаром» можно ожидать и новые работы.) Статья под названием «Тема «города-сада» в градостроительстве на Дальнем Востоке рубежа XIX–XX веков» написана кандидатом архитектуры Светланой Сергеевной ЛЕВОШКО. В ней она с полным основанием утверждает, что города Харбин, Дальний, Порт-Артур и десятки железнодорожных посёлков, возникших при благоустройстве КВЖД, в своей планировке по праву могут считаться русским вариантом мечты об идеальном городе. Их облик определяли градостроительные принципы, основанные на историко-географических условиях, традициях русского градостроительства и усадебной застройки, строительного законодательства и опыте русской архитектуры.

Ярким тому примером может служить планировочная структура Алексеевска, частично включавшая в себя естественные зелёные массивы. Несмотря на регулярную планировку, непрерывная садово-парковая структура придавала городу живописный облик. Частные усадьбы в Алексеевске отличались исключительно большими размерами — 600 квадратных саженей (1 казённая сажень — 2,16 метра).

Конечно, сегодня трудно представить себе в полной мере то, что должно было получиться в конечном итоге. Наступивший XX век внёс в грандиозный проект возведения городов на Дальнем Востоке жестокие коррективы. К счастью, прекрасные образцы русской инженерной и архитектурной мысли местами всё же сохранились, давая нам возможность по достоинству оценить своих несправедливо забытых предков, плодами трудов которых мы так бездарно распорядились.

Однажды, беря интервью у одного красноярского художника, вернувшегося из Китая, услышала от него фразу, произнесённую им как-то

по-особенному проникновенно: «Знаешь, он такой красивый-красивый — этот русский Харбин». Прошло лет двенадцать, но я и сейчас её слышу, проезжая по недавно возведённым микрорайонам Красноярска. Неужели мы совсем забыли, как надо строить города?

Лёд тронулся?

Конечно, сокрушаясь об утраченном, невозможно что-либо изменить в настоящем. Но воспоминания могут быть полезны, когда необходимо найти поддержку новым идеям. Тем более что идеи никогда не возникают на пустом месте. Вот и идея Александра Кривова и Юрия Крупнова, состоящая в строительстве вдоль существующих транспортных магистралей сети новых городов и кластеров промышленного развития в рамках государственно-частного партнёрства, как видим, совсем не нова, что, правда, мало способствует её скорому продвижению.

В сентябре 2013 года в городе Волгодонске Ростовской области был сделан первый шаг в реализации проекта «Городок демографического будущего» (ГДБ), рассчитанного на обеспечение жильём многодетных семей. Была выделена земля, проведено межевание. Более полутысячи волгодонских семей, стоящих в очереди на получение жилья, изъявили желание туда переехать.

Информацию об этом на своём сайте дал издатель и главный редактор журнала «Архитектурный вестник» Дмитрий Евгеньевич ФЕСЕНКО, сообщив о проекте следующее: «Как уверяют организаторы (а среди них и наши сегодняшние собеседники с их Институтом демографии, миграции и регионального развития — Г.Д.), необходимые разработки и технические решения по экономичному строительству малоэтажного жилья и рациональным решениям по инфраструктуре и ЖКХ имеются. При правильной организации они надеются выйти на стоимостные показатели в один миллион рублей за типовой дом в 100 м² и 250 тысяч за обеспеченный инфраструктурой участок в пятнадцать соток. Предполагается, что 70% затрат должны взять на себя сами семьи.

Следующая точка роста — Торжок Тверской области. В конце апреля 2014 года администрация города подписала с Институтом демографии, миграции и регионального развития соглашение о сотрудничестве в строительстве подобного ГДБ. В настоящий момент участие в программе «Городки демографического будущего» обсуждают сообщества многодетных семей в Калуге и Омске.

Организация федеральной сети таких городков позволит сэкономить ресурсы, даст толчок развитию жилищного строительства в стране, поспособствует развитию зелёных технологий».

Что же представляет собой такой городок? Согласно проекту, реализуемому в Ростовской области, в нём должно быть несколько жилых зон, в которых разместятся дома для многодетных семей. Кроме того, планируется строительство и социального жилья для других льготных категорий граждан, а также представленная таунхаусами коммерческая застройка. Предусмотрены парковые зоны и ботанический сад (надо думать, с питомником). В центральной части разместится комплекс по переработке сельскохозяйственной продукции. Кроме дорожных магистралей запланированы пешеходные зоны и велодорожки, связывающие городские сектора. Территориально застройка приблизится к новой части Волгодонска, примыкающей к промзоне Атоммаша, что в определённой степени решит вопрос занятости. Общая площадь городка составит 600 гектаров.

Судя по последней общедоступной информации, дело понемногу движется. Конечно, не без проблем. Например, с самого начала чиновники пытались начать строительство домов, минуя этап строительства дорог и инженерных коммуникаций. Ну, это уж как водится.

Почин, осуществлённый в Волгодонске, конечно, заслуживает внимания и поддержки. К чему он приведёт, можно будет узнать совсем скоро. Но есть вещи, очевидные и сегодня. Вот уже лет двадцать как мы пытаемся придумать себе национальную идею, способную вдохновить на великие дела наше несколько подуставшее общество. Александр Кривов и Юрий Крупнов считают, что за этим далеко ходить не надо. Почему национальной идеей не может стать благоустройство нашего Отечества? Благоустройство, основанное на наших традициях, нашем менталитете, да и наших возможностях, которыми на этой планете мало кто обладает.

Текст — Татьяна ШМЕЛЁВА,
г. Великий Новгород

Языковой вкус

Что такое хорошо, а что плохо в языке? Это подсказывает нам наш языковой вкус. Вот о нём и поговорим.

Языковой вкус — интуитивная оценка языковых явлений, система предпочтений, не всегда оторефлектированная. Вам не приходилось слышать от разных людей «не люблю я это слово», «терпеть не могу этот оборот»? А вы не пробовали просить таких собеседников объяснить причины своей нелюбви? Боюсь, услышали бы в ответ: «Какое может быть объяснение? Не люблю, и точка!».

Языковой вкус касается произношения, выбора слов, грамматических форм, даже способов здороваться или строить научный текст. Как и всякий другой вкус (музыкальный, литературный, вкус в том, как одеваться) — дело субъективное. Но сегодня нам интересно, как он соотносится с научными представлениями о языке — лингвистическими знаниями.

Языковой вкус принадлежит не только личности (языковой личности!), но и сообществу — профессиональному кругу и целому поколению. Вы замечали, каждому поколению кажется, что следующее говорит хуже, «коверкая язык»? И так было всегда. В конце XVIII века адмиралу ШИШКОВУ и его единомышленникам казалось, что карамзинисты нещадно портят русский язык, меняют его по французским лекалам. И они боролись с этим наваждением, утверждая, что нам вполне достаёт славянских языковых ресурсов. Так, кстати, много позже думал и Велимир ХЛЕБНИКОВ, полагая, что вместо «университет» хорошо бы говорить «всеучилище».

Историки русского литературного языка (как и карамзинисты, среди которых и ПУШКИН!) полагают, что КАРАМЗИН изобрёл новый русский язык, соответствующий новому времени и европейским стандартам. Иначе говоря, он привил русскому новый языковой вкус (и слово это карамзинское — «нежный вкус»), что было, безусловно, делом прогрессивным, открывало новые пути развития русского языка.

Но не прошло и 20 лет, как Пушкину карамзинский салонный язык уже кажется жеманным, искусственным. Пушкинский языковой вкус изменился: теперь он считает, что надо писать проще, ближе к естественной народной речи. «... я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность», — пишет он в письме своему другу Петру ВЯЗЕМСКОМУ. Лингвисты отмечают смену языкового вкуса эпохи, которая связана с изменением вкусов литературных — стремлением к реализму.

Кому-то и сейчас кажется, что наш язык хуже, чем язык классиков, и мы у них недоучились. Но лингвистические знания говорят о том, что язык

не портится, он — изменяется. Потому что изменяются языковые вкусы. С этим не поспоришь.

Такие вкусовые сломы русский язык пережил в прошлом веке дважды — в начале столетия и в конце. И в обоих случаях лингвисты говорили о демократизации языка, сближении его с разговорной речью. Одна из первых книг о языковых переменах в конце XX века так и называется «Языковой вкус эпохи» — её написал Виталий Григорьевич КОСТОМАРОВ, обозначив массу новых явлений в графике, грамматике, словаре.

Конечно, кто-то остаётся со вкусами своего поколения и выглядит немного старомодно (имеет право). Так, от дам постарше можно услышать *дверь*, *коришневый* и даже музей, а молодым людям надо объяснить, что это не причуда, а старшая норма — и такой вкус.

Лингвисты всё время пытаются понять, почему некоторые слова — в их произношении или грамматическом использовании — вызывают отрицательные чувства. Но не всегда могут это объяснить.

Вот, например, полюбилось русским людям не склонять топонимы среднего рода. Мужского рода склоняем, женского тоже, говорим: Красноярск, из Красноярска, горжусь Красноярском... Или там Анапа, в Анапу, Анапой... А какое-нибудь Тасеево — не будем склонять: живу в Тасеево, приехал из Тасеево, горжусь Тасеево... А может быть, в Тасееве, из Тасеева, Тасеевом? — робко спросит лингвист. Нет, говорят ему, это некрасиво!

Но помилуйте! Природа русского языка — в изменчивости слов, и этого требует падеж. Не изменяем мы какие-то чуждые нам и далёкие названия типа Рио-де-Жанейро. И где это Рио, а где Тасеево, Пулковое, Домодедово, Митино? И ещё тысячи русских топонимов, которые исторически — притяжательные прилагательные, а сейчас — существительные. Вот последний топоним в нашем ряду сообщает, что обозначаемое им село принадлежало когда-то Мите, нам неизвестному.

Я не первый год стараюсь убедить сограждан, что русские топонимы лучше склонять. И всё это время слышу: «В Пулкове — фу, гадость, никогда не скажу». Что тут можно возразить? У человека такой вкус. Правда, он не догадывается, что такое обхождение с топонимами возникло в военные годы, когда язык фронтовых сводок требовал однозначности. «В Иванове» — что за город? Может быть и Иванов, и Иваново. Или «из Пушкина» — это же может быть и Пушкин (под Петербургом), и Пушкино (под Москвой). Чтобы не возникало трудностей с «восстановлением» именительно-го падежа и поисками на карте, было принято

не изменять такие топонимы (что до революции было непредставимо). Но сейчас-то такой суровой необходимости нет. Почему же мы должны русские слова не склонять? У нас и так хватает всяких шоссе, кино, смузи... Кстати, о кино. Поляки без смущения его склоняют: в газете можно найти колонку «W kinach» — о том, что идёт в кинотеатрах. То есть поляки и чужие слова склоняют, а мы — свои не хотим.

Одним словом, мы сталкиваемся с ситуацией расхождения лингвистического знания о склоняемости русских имён и языкового вкуса, отрицающего такую возможность для топонимов на -о.

И хорошо бы это было личным делом некоторых, ещё куда ни шло. Но ведь жители таких мест пишут официальные письма с требованием запретить склонение дорогих их сердцам топонимов. Это не шутка. В прошлом году жители города Сковородино (это Амурская область) составили петицию, фрагмент которой выглядит так: «Нам, жителям, очень неприятно, когда СМИ пишут и говорят «в Сковородине», «из Сковородина». Это очень режет ухо! Мы понимаем, что нормы русского языка разрешают склонять название нашего города, потому что все самостоятельные части речи склоняются. Но это звучит очень некрасиво! Просим вас внести название города Сковородино в список исключений и закрепить единое произношение и написание этого слова».

И петербуржцы обратились к министру культуры с требованием запретить склонять названия Колпино и Купчино. Инициатор этого обращения так описывает свои чувства: «Когда я вижу, как склоняют мой населённый пункт, а я живу в Купчино более 30 лет, меня это просто выводит. И я такой далеко не один. В будущем, я надеюсь, мы приведём всех к грамотному русскому языку». Здесь важно обратить внимание, что гневный петербуржец указывает: не одинок в своём чувстве, оно коллективное. Как и у жителей Сковородина.

Это один из примеров, убеждающих, что языковой вкус не поддаётся прямому воздействию — убеждению с примерами из классиков.

Но я верю, что вкус можно совершенствовать. Для этого надо быть внимательнее к языку — своему и звучащему вокруг. Слушая и читая, отмечать удачное, меткое слово. И совсем не лишнее при этом слушать лингвистов: всё-таки они знают что-то о природе языка, его истории и тенденциях развития.

Текст _ Александра СИТНИКОВА

Как отличить кучу мусора от произведения искусства

В ультимативных терминах «плохое» и «хорошее» по отношению к искусству чаще всего говорят об искусстве современном. И если при поверхностном подходе «плохое» в искусстве вполне понятно — некрасивое, далёкое от академического мастерства, порой слишком депрессивное, то положительные аспекты, как правило, остаются темой для дискуссии.

В целом, каждого из нас притягивает к разным произведениям: кто-то любит классические красоты, а кому-то открывается что-то сакральное в куче надувных экскрементов... Но важно, чтобы эта вкусовая привязанность всё-таки подкреплялась истинным пониманием произведения, а не следовала за модным мнением или вбитыми с детства традициями. И если говорить об искусстве с точки зрения качества, то здесь всё-таки можно установить критерии хорошего и плохого.

В процессе обучения искусствоведам предлагают три критерия для понимания, что перед ними именно произведение искусства, а не просто предмет. Первое — это мастерство, с которым сделана вещь. Далее — намеренное создание вещи как предмета второй природы. И, наконец, «искушение» — произведение искусства привлекает к себе внимание и, возможно, даже провоцирует на некоторые действия.

Попробуем разобраться по этим критериям с современным «мусорным» искусством, называемым так не только потому, что в ключевых произведениях используется мусор. Бессознательно эти работы хочется выбросить на свалку, что регулярно и происходит, приводя к громким скандалам. Но если следовать принципу, что произведение искусства — это прежде всего мастерски сделанная вещь, то следует признать, что выбрасывают настоящие шедевры: в них авторы сознательно имитировали бардак, и им это удалось блестяще и убедительно.

Далее, если хорошее произведение провоцирует на какое-либо действие, то в данном случае куча мусора провоцирует на то, чтобы её выбросили, а незаправленная кровать заставляет посетителя её застелить, неважно из каких побуждений.

Итак, посмотрим на самые знаменитые случаи невежественного вандализма и попытаемся проанализировать произведения «мусорного» искусства.

Один из самых первых представителей аутодеструктивного или саморазрушающегося искусства — Густав МЕЦГЕР, выпустивший в 1959 году манифест этого направления. Мецгер старался намеренно создавать такие объекты, которые не сохранялись бы дольше 20 лет, а зачастую они могли не прожить и одного дня. На такую недолговечность он обрекал свои творения намеренно, противясь нарастающему консьюмеризму в обществе и не желая, чтобы на его работах наживались галеристы. Поэтому, когда вечером после презентации его первой работы уборщица выбросила результат его творения, приняв за мешок с мусором, думаю, он должен был остаться доволен. (На самом деле, поскольку дело происходило в известной галерее современного искусства Tate, и произведение создано уже не впервые, а реконструировалось, автору же было на тот момент 78 лет, то художник был потрясён произошедшим, а галерее пришлось выплатить ему немаленькую компенсацию, размеры которой даже не были обнаружены).

Перформанс по созданию произведения, который происходил в лондонской галерее, заключался в том, что изначально художник был сокрыт от зрителей стеклом, затянутым листом белого нейлона, который Мецгер обрызгивал кислотой, разъедавшей ткань, в результате чего он становился видим зрителям. Изъеденные кислотой куски ткани художник аккуратно собрал и упаковал в мусорный пакет, который повесил рядом — этот пакет и стал жертвой работы уборщицы.

Так что это было — искусство или нет? Очевидно, зрители общались всё-таки не с мусором, а с произведением. Во-первых, это действительно была вещь второй природы, намеренно созданная человеком как вещь художественная, за которой стоял серьёзный интеллектуальный труд. Густав Мецгер разработал концепцию аутодеструктивного искусства, обращая внимание и на то, что со времён Возрождения человек стремится во многом уподобиться природе, законы которой непреложны, но при этом избегает того факта, что всё в природе смертно. Программируя смерть своих произведений и, по сути, совершая публичную расправу над ними, художник примерял на себя роль природного начала, обрекающего на смерть всё живое.

Во-вторых, перформанс Мецгера явно был сделан мастерски — вероятно, не каждый химик правильно рассчитает процессы взаимодействия кислоты, нейлона, стекла друг с другом, чтобы никому не навредить и добиться желаемого эффекта.

В-третьих, однозначно произведение интриговало: невидимый мастер постепенно появлялся перед зрителями в результате этаких химических фокусов.

Другой прецедент случайного уничтожения авторской работы произошёл со знаменитым Дэмьеном ХЕРСТОМ. В 2001 году на выставке «Раскрась по номерам» художник представил произведение из мусора — измятые пивные банки, сигаретные окурки в пепельницах, недопитый стакан вина, мелкие инструменты типа ножниц, которыми частенько пользуются при подготовке выставок, и т.п. Неудивительно, что уборщица — очевидно, главная экспертная профессия в области современного искусства — тщательно всё вычистила перед открытием выставки. В данном случае автор отнёсся к происшествию с иронией. Возможно, он просто порадовался за своё творение, которое настолько качественно притворилось грудой мусора, что было использовано по назначению.

Интересно, что этот печальный опыт через несколько лет, в 2015 году, повторился уже в Италии, где уборщица накануне открытия выставки с ужасом обнаружила, что в галерее ночью была вечеринка, после которой зал остался не убраным, и выбросила весь хлам — бутылки из-под вина и шампанского, конфетти — в уличную урну. Художественный дуэт ГОЛЬДШМИДТ и КЬЯРИ не столь стоически перенёс потерю, ведь бардак пришлось

досконально восстанавливать, а галерее получить страховую выплату, сумма которой исчислялась несколькими тысячами долларов, чтобы произвести реконструкцию инсталляции «Куда пойти сегодня вечером?».

Честно говоря, глядя на фотографию инсталляции, сложно даже представить, как можно было принять её за мусор: художники подобрали однотипные предметы для создания «бардака» — никаких лишних окурков, салфеток, зубочисток или чего угодно, что могло бы сопровождать шампанскую вечеринку, то есть стопроцентно здесь мы имеем дело с мастерски организованным беспорядком, намеренно созданным кем-то, а не хаотично сформировавшимся в процессе гулянья. И, вероятно, за этим стоит весьма философский посыл. Только представьте, вы пошли вечером потусоваться, посетить светскую вечеринку, поболтать с друзьями и влиятельными знакомыми. Пришли. А тут — бац! Вечеринка уже закончилась! «Пора задуматься о чём-то серьёзном» (сложно судить, о чём именно, но точно не о развлечениях), — говорят нам авторы. «Вы всё-таки в галерею пришли, смотреть на искусство пришли, а не в развлекательный клуб! Давайте-ка остановитесь в своём гедонизме!». В общем, мусорное искусство с подачи Мецгера — оно всегда антиконсьюмеристское, против легкомысленного потребительства, а не про отсутствие красоты в современном мире.

Последняя история касается работы «Моя кровать» художницы Трейси ЭМИН, номинированной на престижную британскую премию Тернера. История случилась в 1999 году, когда художница представила на выставке собственную кровать, в которой она, по её словам, провела несколько дней в депрессии. Вокруг разбросан вызывающий мусор — не только ёмкости из-под алкоголя и окурки, но и предметы, раскрывающие подробности интимной жизни. Зритель зала — ещё один «серый кардинал» современного искусства — решил, что произведение подверглось нападению вандалов, поэтому прибегнул к уборке и заправил постель. Ну разве не трогательно! Так депрессивная кровать спровоцировала человека позаботиться о другом — и одно это уже делает данное произведение искусством.

Таким образом, пользуясь предложенной схемой, вы пусть не легко, но сможете отличить произведение от груды мусора; понять, что современное искусство зачастую о плохом (депрессия, общество потребления, смерть), но это-то и хорошо, потому что где ещё вы сможете поговорить на эти непростые темы? И помните, если вы нашли обёртку от конфеты в художественном музее или галерее, то не торопитесь выбросить её в ведро, не дай бог, завтра получите повестку из суда о том, что должны возместить утрату шедевра и оплатить моральную компенсацию автору.

Густав Мецгер. Воссоздание первой публичной демонстрации саморазрушающегося искусства. Впервые в 1960. Реконструкция, 2004 г.

Кьяри и Гольдшмидт, «Куда пойти сегодня вечером». 2015 г.

Трейси Эмин, «Моя кровать», 1999 г.

Текст _ Андрей КУЗНЕЦОВ

Фритъоф Нансен
в Красноярске

Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает

«Хотели как лучше, а получилось как всегда». Этот перл бывшего премьер-министра России Виктора Черномырдина — на самом деле не упрёк и не исключительное свойство нашей страны или её граждан.

Созидатели и хулители

Кстати, «как всегда» — это совсем не обязательно «плохо», скорее — не так, как рассчитывали, причём может быть как к лучшему, так и к худшему. Мы часто забываем, что у любой медали — две стороны. Нюанс ещё и в том, что по прошествии времени положительные следствия того или иного решения и действия воспринимаются большинством людей как сами собой разумеющиеся, зато негативные — раз за разом ставят авторам в вину. Не буду далеко ходить за примером...

Вы знаете, сколько тысяч красноярцев делают покупки в торговом комплексе «КОМСОМОЛЛ»? А сколько их живёт в новых прибрежных жилых кварталах? Сколько жителей и гостей города для отдыха, занятий физкультурой и спортом посещают остров Отдыха и Татышев? (прим. — Татышев, по данным мэрии, в год посещают около 1,2 миллиона человек) Всё это — повседневные удобства и возможности города-миллионника.

Но у этих и многих других благ современного Красноярска тот же самый источник, что и у незамерзающего вечнохолодного Енисея, и у ненавистного всем туманного смога, и у алюминиевого завода, который обыватели считают проклятием нашего города. И то, и это нам подарила Красноярская ГЭС. Именно благодаря ей нынешние красноярцы не знают, что такое ледоход и ежегодные весенние паводки, практически скрывающиеся под водой острова и низкие берега. Благодаря ей в Красноярске, переставшем страдать от дефицита электроэнергии, заработало множество предприятий, выросла численность населения, появились объекты соцкультбыта, были открыты вузы и техникумы. Так что же тогда Красноярская ГЭС — зло или благо? Нуждается ли она и её создатели в каких-то оценках? И будут ли эти оценки сегодня объективны?

История и современники часто не щадят творцов. Например, первый гражданский глава Енисейской губернии Александр СТЕПАНОВ буквально пробудил наш край от спячки. В бытность его губернатором в Красноярске появились: аптека, больница, социальные приюты, городской сад (ныне — Центральный парк), типография, библиотека. В 1823 году Александр Петрович

основал в Красноярске учёное общество «Беседы о Енисейском крае», он открывал школы, строил поселения для ссыльных, выступал против обременения крестьян податями, преследовал злоупотребления чиновников.

Многие у нас здесь его не понимали и не только не принимали новаций, но и всячески противились им. Говорят, был даже момент, когда губернатор Степанов, славившийся горячим нравом как бывший офицер, служивший под началом СУВОРОВА, предлагал выйти на кулачный бой одному из местных купцов-«олигархов»! Такие простые были в Сибири нравы...

«Зачем нужен городской сад на месте едва ли не полностью вырубленной самими же горожанами сосновой рощи, когда кругом леса немеренно?» — недоумевали в XIX веке красноярцы. Их бы в наш век XXI, тогда бы поняли — зачем! Впрочем, большинство горожан инициативу губернатора поддержало.

В 1831 году Александра Степанова, распорядившегося оплатить государственные налоги малоимущих красноярцев из городской казны, да к тому же водившего дружбу со ссыльными декабристами, по доносу жандармов сняли с должности. И тем не менее за каких-то восемь лет его губернаторства Красноярск и Енисейская губерния получили импульс развития и изменения к лучшему на многие годы вперёд.

А Александру Петровичу повезло хотя бы в том, что без малого два века спустя красноярцы оценили-таки его заслуги в развитии и нынешнем дне нашего региона и поставили памятник в новом сквере на улице Копылова.

Мечтатели и строители

Сибирь всегда поражала приезжих своими бескрайними просторами и, казалось, неисчерпаемыми богатствами. Каких только радужных перспектив не рисовали нашим краям! «...Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» — гласит цитата на памятнике её автору — молодому 30-летнему Антону ЧЕХОВУ, стоявшему здесь же около Енисея в 1890 году. А в самом деле, какая жизнь?

Вот какие перспективы более детально увидел в 1913 году и описал в своей книге «В страну буду-

щего» норвежский путешественник и исследователь Фритъоф НАНСЕН.

«Народонаселение необъятной Сибири не превышает даже в 1,5 раза достаточно редкого народонаселения Скандинавского полуострова, хотя Сибирь, несмотря на огромные расстояния, представляет, особенно на юге, гораздо лучшие условия для жизни, чем большая часть Скандинавии. Сибирь — богатая страна, и стоит потрудиться над её развитием. Особенно изобилует она минеральными богатствами. Первое место принадлежит золоту, которого находят всё больше и больше, главным образом в Средней и Восточной Сибири.

Кроме того, Сибирь богата другими металлами. Железной руды там много, но разработка её поставлена неважно. Есть там и медь, и серебро, и свинец, и вдобавок драгоценные камни, минеральные источники и прочие природные богатства, но все они ещё мало использованы. Во многих местах найдены залежи угля, причём залежи одной восточной прибрежной полосы и Сахалина могли бы снабжать углём все тихоокеанские суда. На Сахалине открыта нефть, которой, гово-

Алексей Гастев

рят, хватило бы на обиход всей Сибири и даже на вывоз в Австралию. О лесных богатствах Сибири уже не раз упоминалось...

И всё же главные источники благосостояния Сибири заключаются не в недрах, а в необъятных пространствах пригодной для земледелия и местами очень плодородной земли... Настоящим сибирским золотом является чернозём».

В отличие от знаменитого норвежца, 34-летний политический ссыльный Нарымского края (ныне — Томская область) Алексей ГАСТЕВ физически путешествовать по Сибири не мог, но именно поэтому его рассказ «Экспресс. Сибирская фантазия» оказался ещё более футуристическим, нежели путевые заметки Хансена. В этом произведении, опубликованном под псевдонимом И. Дозоров в 1916 году в первом номере красноярского литературного журнала «Сибирские записки», его герой мчит на экспрессе «Панорама» от Урала до Берингова пролива и под ним по тоннелю — в Америку.

Сейчас и до конца июля в Красноярском литературном музее развёрнута удивительная выставка «Экспресс-Панорама», посвящённая грандиозным проектам в Сибири XX века, случайностям и закономерностям, повлиявшим на ход большой истории. «Сибирская фантазия» Алексея Гастева — стержень этой экспозиции.

Если буржуазный «традиционалист» Фритц-оф Хансен видел главные перспективы Сибири в аграрной сфере, один из будущих идеологов революционного Пролеткульта Алексей Гастев роль главного творца будущего отводил пролетариату. И это когда доля городского населения в Сибири не достигала и 12 процентов! Но будущий родоначальник научной организации труда в СССР описывал в 1916 году в «Сибирской фантазии» гигантские мегаполисы и при этом здорово польстил Красноярску: «Быстро минуем города без будущего. Они хотели быть острогами, но сами умерли как необитаемые тюрьмы...»

Красноярск! Это мозг Сибири. Только что закончен постройкой центральный сибирский музей, ставший целым учёным городом. Это здесь создавалась новая геологическая теория, устанавливающая точный возраст образования земного шара; это здесь нашли способ рассматривать движение лавы в центре Земли; это здесь создали знаменитую лабораторию опытов с радиом и открыли интернациональную клинику на 20 000 человек...

А вот прямо перед экспрессом точно растёт и летит прямо в небо блестяще белый шпиль. Это Дом международных научных конгрессов. Его фасад усеян флагами государств всего мира, теперь там заседает конгресс по улучшению человеческого типа путём демонстративного полового подбора.

Если нужно выразить научно-смелую идею, то всегда и всюду — в Европе и в Америке — говорят: «Это что-то... красноярское».

Там, на Енисее, высятся мачта, на которой гордая надпись: «Красноярск — морской порт», но за ней на башне дамбы другая надпись: «Красноярск — верфь мира!». На север от моста больше чем на десять вёрст суда, всё суда. А по берегам, точно скелеты допотопных ихтиозавров, высятся эллинги судостроительных заводов...».

В свете существования сегодня Сибирского федерального университета, Красноярского научно-го центра, множества международных форумов и конгрессов наш город не обманул ожидания революционера 100-летней давности. Даже те самые «эллинги» у нас работали! Уже больше десяти лет как нет Красноярского судостроительного завода, на месте которого сейчас высятся микрорайон Южный берег, а красноярские суда и по сей день бороздят реки и моря в России и за рубежом...

Надо сказать, что и Алексей Гастев, и другие провозвестники будущего Сибири не ограничивались фантазиями, а лично воплощали их в жизнь. Сам Алексей Капитонович при активном содействии ЛЕНИНА создал в 1921 году Центральный институт труда (ЦИТ). До 1939 года, когда Гастев был репрессирован и казнён, возглавляемый им ЦИТ готовил рабочие и инженерные кадры для более чем 400 предприятий и строек страны, среди которых такие гиганты, как Уралмаш, Ростсельмаш, Харьковский и Сталинградский тракторные заводы.

Да, сегодня, через 100 лет после «Сибирской фантазии» и через 50 лет после её реализации (в той или иной мере!), мы смотрим на индустриализацию иначе, нежели автор рассказа. Ныне обыватели и «инноваторы» зачастую считают знаменитые прежде заводы «пережитками прошлого», отравляющими лично им жизнь. Что ж, может быть, индустрия и её «капитаны» и пе-

режиток, но даже это неприятное клеймо — уже свидетельство того, что промышленность в нашей стране развивалась, жила и давала жизнь в том числе тем, кто сейчас от неё шарахается. И ведь дело не в том, о чём конкретно мечтали 100 или 50 лет назад люди в нашей стране и что строили, а в том, что они мечтали и строили...

— Все люди, о которых мы рассказываем на выставке «Экспресс-Панорама», вошли в историю, в энциклопедии потому, что не боялись масштабно мыслить, — говорит заведующая литературным музеем Ольга ЕРМАКОВА. — Сегодня мы можем воспринимать некоторые их чаяния как наивные, смешные, как заблуждение или трагедию. Работая над этим проектом, мы хотели не просто рассказать (в первую очередь — молодёжи) об интереснейших людях, но и о мере ответственности за время и место, в которых ты живёшь. Сейчас время какое-то «мелкошёрстное»... Хочется, чтобы и сегодня молодые люди не боялись мечтать и думать по-крупному, ставить масштабные задачи и реализовывать их.

«Пройдёт 20 лет, и ты будешь больше жалеть о том, что НЕ сделал, чем о том, что сделал. Так к чёрту сомнения и лень». Марк Твен

Поистине, в жизни бывают неожиданные случайности и удивительные совпадения!

В один и тот же день, буквально через полчаса после знакомства с «Сибирской фантазией» Алексея Гастева и посвящённой ей экспозицией в Красноярском литературном музее, мне с группой коллег-журналистов довелось оказаться на пресс-конференции губернатора Красноярского края Виктора ТОЛОКОНСКОГО, посвящённой приближающемуся Красноярскому экономическому форуму. Я вспомнил, что годом ранее КЭФ-2016 стал местом презентации проекта Стратегии развития Красноярского края до 2030 года. Затем был год обсуждений и корректировок. Каким же видится среднесрочное будущее нашего региона его руководителю?

— На мой взгляд, в начале рыночного пути мы не разобрались в том, что рынок не только не исключает планирование, он усложняет планирование. Рынку планирование нужно ещё больше, чем административно-командной экономике. Но

Виктор Толоконский уверен: КЭФ-2017 поможет заглянуть в будущее России и края

тем не менее у нас программ и прогнозов стало меньше, и качество такой работы даётся очень непросто, — констатировал губернатор. — Когда я получил первый вариант Стратегии развития Красноярского края, у меня просто слёзы на глаза навернулись! Я получил документ, в котором были описаны проблемы даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня! Настолько потеряно умение представить картину будущего... Затем мне стали возражать, дескать, нельзя будущее такого огромного края представить без видения будущего всей большой России, давайте дождёмся, когда страна определится. А я в ответ: «Подожмите! Речь не идёт о плане где, сколько, чего построить, с точным указанием источников финансирования! Я хочу увидеть картину будущего». Какая школа, какая поликлиника, какая культура, какая экономика?..

В качестве яркого примера неспрогнозированного будущего губернатор привёл нынешний

взрывной рост влияния соцсетей на самые разные стороны жизни. Можно ли было 15 лет назад представить, что именно так будут развиваться информационные технологии? Виктор Толоконский уверен, что можно и нужно! Просто об этом даже не задумывались. Или ситуация с той же экологией. Если бы 15-20 лет назад был сделан научный прогноз, сегодня не пришлось бы искать способы тушения горячей проблемы.

— Честно говоря, у меня сейчас не очень получается цельная картина, — признался губернатор. — И слабость нашей стратегии в том, что в ней прописаны частные картинки, но они не складываются в картину общую. Мне хочется более глубокого научно-технологического анализа: что через 15 лет будет принципиально другого? Мне хочется большего понимания региональной специфики в стране. Что Россия ждёт от Красноярского края?

То, что стратегия до сих пор не обрела чётких контуров, что работа над ней идёт тяжело, не служит для главы региона причиной пессимизма. По словам Виктора Толоконского, даже самые общие принципы развития, заложенные в перспективный план, работают уже сейчас, помогают в конкретных вещах. Так, например, впервые вполне чётко озвучено, что в Красноярске не может появиться никакое новое производство, нуждающееся в организации вокруг него санитарно-защитной зоны. В то же время речь не идёт о деиндустриализации Красноярска и края.

— В последние годы, в том числе в нашем СФУ, идут работы по кардинальному изменению свойств алюминиевых сплавов, по прочности они будут соперничать со сталью. Согласитесь, стратегически абсурдно сегодня закрывать КраЗ, если через 15 лет ценность и цена алюминия вырастут в разы! — обратился к журналистам губернатор. — Поэтому давайте не будем отказываться от производства этого металла, а будем отказываться от вредных выбросов такого производства, будем переходить на природосберегающие технологии. Плюс я сейчас введу жёсткий регламент сокращения объёмов производства и выбросов в безветренные дни. Плюс есть совсем простые способы снижения экологической нагрузки, например, в ближайшее время красноярские ТЭЦ перейдут на сжигание малозольных углей Бородинского разреза, тогда как раньше сжигали любой.

По мере того как Виктор Толоконский приводил примеры решений и дел, рассчитанных на перспективу, которые обывателям сегодня кажутся не очень нужными, я вспоминал позднесоветскую «эпоху Федирко». Тогда за какие-то 15 лет Павел Стефанович и его соратники создали то, что многим 40-50 лет назад тоже казалось не самым важным и не очень нужным, но сегодня составляет гордость и основу экономики и социальной сферы нашего города и края.

А сейчас? Многим далеко не очевидно, что стране крайне нужны математики или физики. Но губернатор Толоконский уверен — будущее страны и края невозможно без нового, более высокого уровня математического образования. Поэтому и открываются математические спецклассы: в следующем учебном году их в крае будет уже 130, а при СФУ открыли физико-математическую школу-интернат.

— Недавно я поставил задачу открыть специальную музыкальную школу мирового уровня для особо талантливых детей, предполагается создать при ней и юношеский симфонический оркестр, — продолжил перечень «непрофильных» дел Виктор Александрович. — Мне говорят: «Что, у нас других проблем нет, кроме как открывать музыкальную школу для 50 талантов?». А я уверен, что в каждом регионе должно быть что-то особое, что повышает социальную привлекательность. Красноярскому краю не надо усиленно заниматься инвестиционной привлекательностью, она очевидна. У нас столько богатств, столько энергии, столько территории... А вот социальной привлекательностью надо заниматься! И это тоже стратегия!

Закончилась пресс-конференция губернатора. Вечером за ужином телевизор, как обычно, вывалил на меня кучу проблем повседневной жизни Красноярского края. Но!.. И этот телевизор, и этот Красноярск, и этот край изобрели, построили, сделали такими, какими мы их знаем, люди, которые смотрели и видели дальше других!

Касательно же того, что хорошо, что плохо — оценивать можно лишь то, что действительно сделано.

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА
Фото автора

Всё пройдёт, но что-то останется

Окружающие нас предметы чаще всего исключительно утилитарны и в эстетическом плане незатейливы. И уж тем более не несут в себе каких-то особых глубинных смыслов. Мы держим их у себя лишь до той поры, пока они способны выполнять важную для нас функцию. Когда способность эта ими утрачивается, пропадает и наш к ним интерес. Однако со временем вещь, когда-то ставшая бесполезной в обыденной жизни, чудесным образом этот интерес себе возвращает. Более того, даже умудряется наполниться смыслами, о которых изначально не смела и мечтать.

Таз и кувшин. Эта непритязательная в своей обыденности пара для умывания в разных вариантах возникает едва ли не во всех фильмах Андрея ТАРКОВСКОГО. Эти два предмета в виде белого с золотом фарфора присутствуют даже на космической станции! Есть они и в доме, что был создан Солярисом. Какой в них смысл?

С определённой можно сказать только то, что их появление в своих фильмах режиссёр никак не связывал с банальным мытьём рук в гигиенических целях. Возможно, тазы с кувшинами были призваны помочь и автору, и зрителю улететь в бездну, из которой к нам тянутся незримые, но крепкие нити.

Все мы родом из этой бездны, в которой ничто не исчезает абсолютно бесследно и ничто не появляется ниоткуда. Не потому ли мы так любим старинные, уже не обременённые практической пользой вещи? Мы видим за ними уже не функцию, а саму жизнь. Видим, как она менялась и как менялись мы. И видим, что осталось неизменным и в нас, и вокруг нас.

К счастью, в нашем городе для полезного рассматривания старинных вещей мест достаточно. К ним можно отнести и усадьбу красноярского купца, библиофила, книгоиздателя и владельца одной из крупнейших частных библиотек дореволюционной России Геннадия Васильевича ЮДИНА. Эта усадьба, уцелевшая исключительно благодаря посещению сосланного в Сибирь в конце позапрошлого века вождя мирового пролетариата, хранит великое множество предметов, когда-то наполнявших дома горожан. И даёт возможность взглянуть в мир тех, кто жил здесь задолго до нас. Взглянуть и понять, откуда мы родом.

В гостях у серьёзного человека

Назначение большинства предметов известно даже сегодняшним детям. Но есть вещицы, способные озадачить и людей очень почтенного возраста. Технический прогресс сделал ненужным многое из того, что лет сто назад, а то ещё и вчера, было совершенно необходимо.

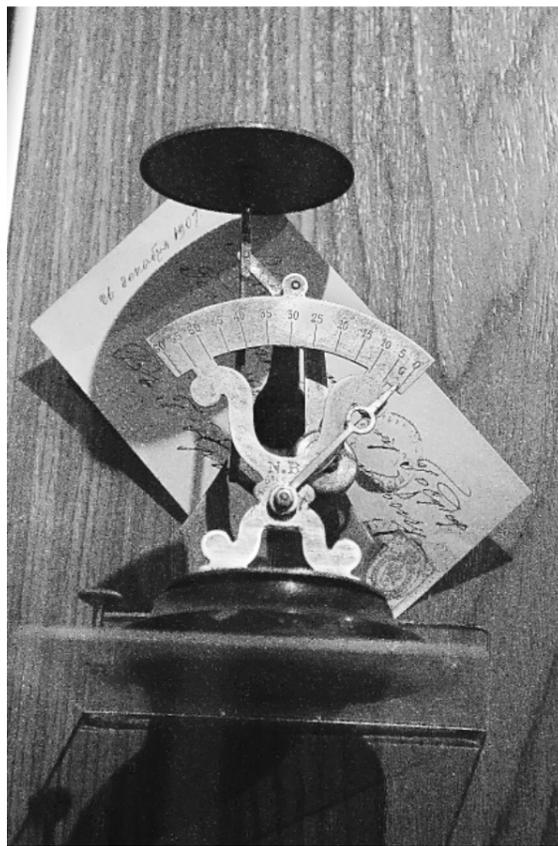
Думаю, будет правильным начать знакомство с жизнью семьи рубежа позапрошлого и прошлого веков с усадьбы и её хозяина. «Дом, в котором жила семья Геннадия Васильевича Юдина, к сожалению, не сохранился, — начинает рассказ о музейной экспозиции заведующая музеем Ольга Николаевна МИРОНОВА. — Да и сама территория усадьбы значительно сократилась. Из двенадцати гектаров осталось только семь. А из четырёх жилых домов, амбара, конюшни, бани и стайки сохранилось лишь три здания, в том числе и двухэтажная библиотека, где мы сейчас и находимся.

Музейные экспонаты, в том числе и вещи, принадлежащие семье, могут многое рассказать о своих владельцах. Например, песочные часы

хозяина, которые хранятся в его кабинете. Геннадий Васильевич был очень занятым человеком, а потому очень серьёзно относился ко времени. Часам в его доме отводилось особое место.

Здесь же в кабинете можно видеть карманные часы, которые принадлежали его сыну Леониду. Песочные часы, возможно, сегодня в каких-то особых случаях и используются, но вот карманные давно вытеснены наручными. Да и они уже перекочевали в сотовые телефоны и сохраняются скорее как обязательный и дорогой аксессуар, подчёркивающий статус своего хозяина.

Особое место в кабинете занимают предметы, связанные с почтой. Геннадий Васильевич был владельцем винокурного завода, пиво-медоваренного завода, золотых приисков, а потому вёл большую переписку. Из этого кабинета ежедневно уходило до десяти писем. Весомый вклад в это вносили и дела, связанные с библиотекой. А так как письма оплачивались не только исходя из удалённости адресата, но и веса, то почтовые везы при такой интенсивной переписке были совершенно необходимы. Кстати, черновики писем хозяин кабинета никогда не выбрасывал. Здесь у него, как и во всём, соблюдался полнейший порядок — всё датировалось и подшивалось.

Среди обязательных для кабинета предметов, которыми уже давно не пользуются, можно назвать металлические перья, перочистки, чернильницы и песочницы, наполняемые специальным порошком, которым для быстрого высхания посыпали только что написанный текст. Старшему поколению все эти предметы (ну, может, кроме песочницы) хорошо известны. А вот валик для смачивания марок, скорее всего, им не знаком.

Надо сказать, что Геннадий Васильевич за свою жизнь много где побывал: деловые поездки, путешествия с семьёй по России и за границей. Так что вещи, связанные с путешествиями, в нашем музее не случайны. Например, этот внушительного вида и размера предмет с двумя ручками по бокам. Конечно, сразу понятно, что это сундук. А вот то, что это дорожный сундук, современного человека приводит в изумление. Ведь это просто какой-то шкаф с тремя полочками внутри и одной полочкой в крышке. В нём есть и чехлы для одежды, и обязательный для дальней дороги плед. Одному человеку его, понятно, не поднять. Сейчас так, конечно, не путешествуют».

Рубель, паж и бульотка

Переходя из комнаты в комнату и слушая Ольгу Николаевну, с удивлением обнаружила, что есть всего-то столетней давности предметы, предназначение которых угадать практически невозможно.

Например, ножницы для снятия свечного нагара. Ножницы как ножницы, но к ним приделана специальная коробочка, куда этот нагар и падал, когда его срезали. Дело в том, что до годов двадцатых позапрошлого века свечи делались из воска или животного жира, который образовывал на конце фитиля наплыв нагара и со временем начинал жутко коптить. Да и сам фитиль практически не сгорал, увеличивая пламя до опасных размеров. Но откуда же нам об этом знать, когда в кино свечи всегда так красиво и романтично горят?

Надо сказать, что, несмотря на все эти неудобства, от сальных свечей полностью не отказались, даже когда им на смену пришли стеариновые и парафиновые свечи. Из экономии, разумеется. Последние были довольно дорогим удовольствием, так что ножницы для снятия нагара ещё долго были в ходу.

Или вот крошечный штопор. Сегодня трудно догадаться, для чего может понадобиться такая штуковина. Он не годится даже на роль безделушки, которой можно позабавиться или просто полюбоваться. И тем не менее это была полезнейшая, совершенно необходимейшая в доме вещь. Этой крохотулькой открывали маленькие флакончики с лекарством или духами. Кстати, о лекарствах. Для них существовали специальные

изящные коробочки. И правда, не хранить же пилюли на туалетном столике в малозстетичном пакете, в который аптекарь положил их после изготовления. И уж тем более не таскать же этот пакет с собой.

А вот совершенно таинственный, не поддающийся опознанию предмет. Над ним, признаюсь, пришлось безрезультатно поломать голову. Оказалось, что это так называемый паж. С его помощью можно было прикрепить шлейф платья, чтобы не подметать пыльную или, напротив, мокрую мостовую. С такой целью этот самый паж и висел на поясе городской нарядной дамы. Ну как, скажите, дама в джинсах и футболке может об этом догадаться?

И всё же назначение большинства предметов легко угадывается. Правда, их вид или размеры иногда просто изумляют. Например, дамский кошелек, в котором без труда могут разместиться лишь две-три монеты. Вызволить их оттуда (надо думать, в случае редчайшей необходимости) можно было только двумя тоненькими пальчиками. Нелепая причуда? А вот и нет! В большом кошельке, а тем более бумажнике, не было никакого смысла — за всё платили мужчины. Счета от модисток и кондитеров приходили мужьям и отцам как приговор, не подлежащий обжалованию.

Ещё одна вещичка для комфортной жизни — бульотка. Это что-то вроде маленького чайника на спиртовке. Предназначена она была для поддержания температуры залитого в неё кипятка. Если вспомнить, что электрических чайников не было, то эта вещь была очень полезна, например, во время долгой работы за столом. В самом деле, не тащить же в кабинет самовар. А так принесли тебе бульотку с кипятком, зажгли спиртовку, и ты сидишь себе всю ночь, скрипишь пёрышком, никого не беспокоя. Да и в путешествии с бульоткой, конечно, веселее.

Кстати, о самоваре. Он как был веками душой компании, так и остался. Правда, теперь он электрический. Хотя, интерес к «классическим» конструкциям вполне может вернуться. Дом за городом, шашлыки, настоящий самовар с древесными углями да сосновыми шишками...

Конечно, далеко не все когда-то необходимые в быту вещи окружены таким романтическим флёром. Взять тот же рубель и валик для глажения постиранного белья, которыми наши предки пользовались лет семьсот и которые благополучно, в неизменном виде дожили до середины прошлого века. Помню, вначале шестидесятых бабушка чисто в образовательных целях показывала мне принцип работы этого нехитрого устройства. Представляло оно собой плоский, ребристый с одной стороны деревянный брусок длиной сантиметров в шестьдесят и ручкой, достаточной для удержания одной рукой. Ну а валик и есть валик. Непосредственно на него и наматывалась ткань, сложенная под его длину.

О презренной пользе и вечной красоте

Приходится признать, что наполняющие наш быт вещи, сохранив функции своих предшественников, в эстетическом плане им частенько проигрывают. С одной стороны, пластик и массовое производство, а с другой — тонкая ручная работа и благородные материалы. Дерево ценных пород, бронза, серебро, перламутр, кожа, натуральный шёлк... Всё серьёзно, всё по-настоящему. Никаких пластиковых штамповок, никаких кожзаменителей. Зато теперь всего стало много. Так много, что уже не знают, куда, на какие полигоны всё это сваливать.

А лет сто назад к вещам относились с почтением, берегли и зря не выбрасывали. Да и как иначе? Каждая вещь, даже сугубо утилитарная, была сделана со старанием, с любовью. Взять те же пробки для бутылок с замысловатыми навершиями из металла и хрусталя, что хранятся в компании экспонатов, рассказывающих о предпринимательской деятельности купца Юдина. Коробки для сладостей вообще отдельная тема. Это были настоящие произведения искусства. Как и бальная книжечка для записи партнёров по танцам. Здесь и перламутр, и кожа, и исключительно изящная вещь. И исключительно важная. Не дай бог барышне было что-то перепутать — дело до дуэли могло дойти.

А вот, казалось бы, предмет чисто декоративного назначения — бронзовая фигурка молоденькой девушки с лейкой в руке. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что она выполняет важнейшую для большого дома функцию — звонит, вызывая в кабинет хозяина прислугу.

Но и совершенно пустяковые вещицы были не лишены изящества. Чего стоит один только малюсенький колпачок для карандаша, расшитый мельчайшим бисером одной из дочерей хозяйки на усадьбе. Или ширма, вроде бы вещь вполне прозаичная, стыдливо заслоняющая то, что всем видеть не обязательно. Несмотря на неизбежную ломкую неуклюжесть, вызванную особенностями конструкции, ширмы всегда стремились произвести на зрителя наилучшее впечатление. Впрочем, здесь нет ничего удивительного — какой смысл что-то закрывать тем, что само следовало бы спрятать.

Кстати, давно ушедшие из нашего обихода ширмы сегодня победно возвращаются. Этому способствуют вошедшие в моду квартиры-студии, насквозь просматриваемые с самого порога. В Интернете можно найти великое множество вариантов использования этих шатких сооружений в современном интерьере.

Строгие нравы, строгие правила

По нынешним меркам детей и внуков в доме Юдиных было много. Дети были хорошие — образованные, воспитанные. В экспозиции музея довольно много вещей, говорящих как о разнообразии их интересов, так и о стремлении родителей поддержать все их увлечения. Никаких смартфонов и планшетов, заменяющих собой всё остальное, тогда, понятно, не было. А зато присутствовало великое множество принадлежностей и для занятий рукоделием, и фотографией, и микроскопом, и даже так называемый инсектарий — садок для насекомых, в котором их содержат для размещения в коллекции.

Хранящиеся за музейным стеклом старинные вещи, конечно, молчат. Но есть и в полном смысле слова говорящие экспонаты. «Геннадий Васильевич и Евгения Михайловна в день бракосочетания сына их ... просят пожаловать ...», — так начинается текст приглашения, разосланного когда-то супругами Юдиными по случаю свадьбы сына. Уже с самого этого торжественного зачина ясно, кто тогда был на главных ролях. Нас такое послание от имени родителей «брачующихся» очень бы удивило (несмотря на то, что все прекрасно понимают, кто за всё платит). И вообще отношения между родителями и детьми, правила их общения друг с другом сегодня совсем иные, нежели во времена, когда купец Юдин женил своих сыновей.

Могу судить об этом опять же из опыта общения со своей бабушкой, рождённой в позапрошлом веке. Например, она строго-настрого запрещала нам с сестрой брать в руки свежие газеты, которые ещё не смотрел отец. Обещания, что мы их потом аккуратно сложим, на неё не действовали. «Для вас что было выписано? «Пионерская правда» и журнал «Юный натуралист», — строго говорила она. — Вот их читайте». На обязательные в те годы журналы «Новый мир» и «Наука и жизнь» эти строгости почему-то не распространялись.

Бабушка совершенно справедливо полагала, что никакие старания не смогут вернуть газете

целомудренное состояние, а отец сразу поймёт, что его права главы семьи бесцеремонно поправлены. Справедливости ради надо сказать, что отец никогда не выдвигал каких-либо требований по поводу своих прав на газеты. Это были чисто бабушкины причуды, основанные на представлениях, уходящих корнями в XIX век.

Уже потом, много лет спустя, читая какой-то английский роман, наткнулась на описание, как лорд собственноручно разрезает синюю упаковку свеженькой «Таймс», к которой до него никто не смел прикоснуться. Помню, перечитала этот фрагмент несколько раз, вдруг вспомнив и осознав давно забытое. С лордом, конечно, всё понятно. Но откуда такие «задвиги» у человека, первую половину жизни занятого сельским хозяйством в сибирской глуши необъятной Российской империи, а потом выживанием с клеймом классово чуждого элемента уже в совершенно другом государстве? Объяснение может быть только одно — уважительное отношение к хозяину дома, к главе семьи ещё на памяти ныне живущего поколения было повсеместным и не зависело ни от социального статуса, ни от национальности, ни от материального положения, ни от места проживания. Удивительно, как быстро всё меняется в этом мире. Всего-то лет сорок-пятьдесят — и где они, эти вековые устои?

Немного о вечном

И всё же, разглядывая экспозицию музея-усадьбы, нет-нет да столкнёшься с неизменным. Вот под стеклом одно из объявлений, что развешивались в городах до появления в наших краях железной дороги: «Ищу попутчика до Красноярска. Справиться: Контора Электрической Станции». Ничего не напоминает? Мне прошлым летом пришлось искать попутчиков в Интернете. Правда, не из-за отсутствия железной дороги — просто на нужную мне дату не было билетов. Да и не хотелось тратить восемнадцать часов, когда можно было доехать по прямой за девять, хорошо при этом сэкономив.

Да, есть всё же нечто вечное в этом изменчивом мире. Для подтверждения этого как нельзя лучше подойдёт хранящаяся в музее фляжка, принадлежащая внуку декабриста Василия Львовича ДАВЫДОВА, который, как известно, после каторги жил на поселении в Красноярске. В зале, посвящённом декабристам, стоит принадлежавший Давыдову столик для табака. Боевой офицер, гусар с четырнадцати лет, адъютант князя БАГРАТИОНА, Василий Львович был в Красноярске душой общества. Так что столик этот видел в нашем городе многих.

Но вернёмся к фляжке. Экспонат этот состоит из трёх предметов: футляра, собственно фляжки и стаканчика, на котором красуется игривая фраза по-французски, рекомендующая никогда не отказываться от поцелуя прекрасной дамы и чарки хорошего вина.

Нет, вечные ценности всё же остаются вечными. Несмотря ни на что.

Текст _ Олеся ПОЗДНЯКОВА

Музей идей

Примером изменений и трансформаций отношения к одной и той же теме может служить Музейный центр «Площадь Мира», в 2017 году празднующий своё 30-летие. Создаваемый как 13-й филиал Центрального музея В.И. Ленина, за это время он превратился в центр современного искусства. Тридцатилетие проходит под девизом «Новый семнадцатый» — с намёком на события столетней давности (подмигивая — а может, пора?) и со значением, что свобода во всём — возможна. Музейные работники уверены, что единственная революция, к которой нужно стремиться — культурная, и музей — постоянный производитель новых представлений о жизни, воспитании, возрасте, сосуществовании.

Именем В.И. Ленина

В 1987 году в Красноярске появился единственный на всю Сибирь и Дальний Восток филиал Центрального музея В.И. Ленина. Главным в 13-м филиале, до сих пор вызывающим восхищение у специалистов, стало экспозиционное оборудование: технически сложное, лишённое само по себе образной нагрузки и вместе с тем создающее образ капитального, незыблемого, построенного на века. В основу экспозиции вошла биография Ленина, короткое введение о предшественниках, подготовивших почву развития социал-демократического движения в России, и краткая история страны с вкраплением сибирского, так называемого местного материала.

Все экспонаты, которые были представлены, — копии. Копии написанных от руки листовок, копии вещей, копии кабинетов, в которых работал Ленин. Копий было достаточно, ведь вещи были значимы не сами по себе, а с отсылкой к оригиналу — не важно, что на увеличенном листе с апрельскими тезисами не видно руки Ленина, если тезисы выражают всё ту же идею. В этом смысле музей — как музей идей — уже содержал в себе потенциал для развития в нём современного искусства.

На взаимоотношениях с этим «неподлинным» музей выстраивает своё существование до сих пор, бережно охраняя немногочисленные фонды, чтобы использовать в новых экспозициях. Конечно, к листовкам и революционной атрибутике сейчас добавились самые настоящие произведения современных художников. Раньше тут все было пропитано идеологическим. Рядом со скульптурой молодого Ленина с товарищами, установленной на платформе, принимали в пионеры. Теперь маленьким посетителям, которые

бы 30 лет назад ходили в красных галстуках, приходится объяснять, кто такой Ленин. Тогда музей состоял весь из воздуха, насквозь пробиваемый солнцем — сейчас, вовлечённый в игру с архитектурой, на базе прошлого он строит новые стены, чтобы на них сделать что-то новое. У надписи на стене, цитирующей Ленина, соскоблили начало («Дайте нам организацию революционеров...») — и осталось только «И МЫ ПЕРЕВЕРНЁМ РОССИЮ».

В 1991 году постоянная экспозиция начала меняться, сокращаться, до 2016 года в неизменном виде дожили только «Красные залы», посвящённые 1917-1924 годам, оставленные как мемориальная часть — наглядным примером того, в какие мифы мы так долго верили.

Новый семнадцатый

Сейчас у музея молодой директор Мария БУКОВА, мы обратились к ней, чтобы понять — куда музей движется сейчас.

— С чем музей заходит в «новый семнадцатый»?

— С большими планами на будущее! С одной стороны, мы делаем рефлексию того, что у нас уже было сделано, с другой — понимаем, что нам нужно выходить на новые уровни и горизонты. Примером могут служить новые экспозиции в «Красных залах», это проектная деятель-

ность с наследием, которое у нас было. «Красные залы» — самая нетронутая тема, которая всегда интересовала художников, всегда была метасюжетом всего, что происходило здесь. Мы пытаемся осмыслить эту историю с точки зрения современности, начинаем работать как научные эксперты, ранжируя по разным темам всю советскую эпоху от 1917 до 1991 года.

В этом смысле опыт создания постоянной экспозиции там, где мы делали что-то временное, это совершенно новый опыт. К 30-летию мы делаем и много других событий. В планах обновление Музейной ночи и биеннале — это то, к чему все привыкли. Но всегда требуется ещё что-то, что закрепит за нами роль экспертов в области современной культуры, всегда открытых новому опыту.

Музеи постоянно ищут ответы на разные вопросы, выступают дискуссионной площадкой для полярных мнений, транслируют вечное, консервируют сиюминутное, даже условно «плохое». Музей современного искусства в этом смысле находится на границе полярных миров — ещё не апробированное историей актуальное искусство выступает площадкой для обсуждения спорных моментов, исследует историю, повседневность и коммуникацию.

— Является ли музей транслятором «хорошего» и «плохого»?

— Наша самая главная задача — выступать в роли объективного института, который позволяет осмыслить современную культуру, может быть, в контексте её традиции. В сознании любого человека есть смысловые точки, понимание того, что такое хорошо и плохо в культуре, но мир очень динамичный, быстро меняющийся — меняются подходы, стили, технологии в современном искусстве. Для меня самым главным примером в осмыслении самого себя является Эрмитаж и ПИОТРОВСКИЙ, который всё время говорит, что культура вне политики. На это стоит ориентироваться. С другой стороны, Эрмитаж, создавая программу «20/21» (основная задача программы — изучение и экспонирование мирового современного искусства XX века, а также формирование музейной коллекции современного искусства XXI века — прим. автора), дал понять, что классическое искусство не стоит за стеной или за забором по отношению к современному искусству.

Есть вещи, которые онтологически не могут присутствовать в культурных учреждениях — например, пропаганда чего-то. Мы понимаем, что с разными темами можно работать, главное — осознавать, для чего ты это делаешь.

Сейчас, например, существует проект развития музейного дела в России, где предлагается несколько моделей. Одна из них гедонистическая, которая говорит о том, что музей должен доставлять удовольствие посетителю. Я с этим не согласна, на мой взгляд, музей и культура — это то, что позволяет тебе стать чуточку сложнее, задать вопросы, которые ты себе в повседневности не задаёшь.

— Изменилось ли за 30 лет понимание искусства в Красноярске? В том числе из-за существования здесь музея современного искусства.

— За это время в городе появилось множество площадок, которые хотят работать с молодыми художниками. Художник теперь — не только тот, кто по старой академической традиции много учится, потом где-то защищается. Любой человек, у которого есть понимание своей идеи и понимание хорошего исполнения, может стать творцом современного искусства. Мы видим много примеров тому в нашем городе. Мы видим, что трудовые отряды, например, взяли на себя функцию не только газоны высаживать, но и облагораживать пространство художественно.

Самое главное, что сделал наш музей, когда стал инициировать публич-арт, — он показал, что искусство может быть не только в рамочке.

Современное искусство в принципе не плоскостное, открыто новым формам и форматам. И в этом смысле городское пространство изменилось.

Выявить изнанку и зазоры

К 30-летию было решено изменить незыблемое, подвинуть самое тяжёлое — «Красные залы». Для этого создаются две новые экспозиции. «Советская изнанка» расположится в техническом коридоре, опоясывающем залы. Здесь развёрткой от 1917 до 1991 гг. предстанет история вещей и слов, выискиваемая в них свобода выражения. От взрыва старого мира до будничных комнат, через феномены советской жизни с её странными укладами, коммунальной кухней, отражающими степень достатка мебельными стенками, истории людей через студийные фотографии, расположенные на изнанке экспозиции с лицами Гражданской войны.

Во время подготовки экспозиции музей активно собирал вещи обычных людей: около 60 человек поделились более чем 1300 вещами — одеждой, посудой, мебелью, техникой. Что-то музейного качества, что-то — тиражированное, что-то принесли даже с этикетками, рождая (или подтверждая?) миф советской экономии — сохранять вещи до последнего. Эти дары станут личной частью большой истории и ответом на вопрос — может ли музей показать советскую повседневность. Не в её простом мемориальном состоянии, а аналитически взвешивая социальные феномены последствий революции.

Вторая экспозиция (хотя стоит рассматривать их в единстве) — «В зазорах идеологии». Она станет «надстройкой» над «базисом» существующих с 1987 года «Красных залов». В пространстве выявляются зазоры, буквально переворачиваются тексты, чтобы обратная сторона заговорила в диалоге с лицевой: ГУЛАГ, репрессии, размышления над дилеммой «революция или смерть», феномены советского мышления — всё это разрастётся в «Красных залах».

А вот некоторые мысли вслух арт-директора музея Сергея КОВАЛЕВСКОГО о том, как происходили эти метаморфозы.

>> «Красные залы» до самого последнего стояли на позиции неприкосновенности, только в конце прошлого года мы стали их перетряхивать. До этого не было мысли, что здесь может быть что-то радикальное. Используя контекст, мы с ними вступали в диалог. «Красные залы» — памятник музейной идеологической деятельности того времени, но сегодня музей пытается осмыслить историю, идеологию, культуру советского семидесятилетия, включив музейную эстетику времён социалистической стагнации в современные культурологические процессы.

>> Юбилей, 30-летие музея и 100-летие революции — всё это нам бросило вызов, что нужно реально высказаться. Мягко говоря, дискурс, представленный в 1987 году, был ангажированным. Это была версия КПСС, государственная версия истории двадцатого века, особенно значимого события в истории — 1917-1924 годов. И, конечно же, у людей другой «веры», других ценностей, которые здесь работают, возникло непре-

одолимое желание показать и рассказать другую историю.

Первым ходом, который открыл возможность другого взгляда, стала «изнанка», новое пространство в техническом коридоре, которое мы решили освободить. Сначала думали, что там будет репрессивная тема: на изнанке прекрасных побед — поражения. Потом это расширилось, появилась человеческая повседневность. Возникло понимание большой вселенной повседневности, советской цивилизации. Стало понятно — и это очень важно — что не надо сносить, а надо «в порах» этого высказывания 1987 года, на его обороте, в каких-то щелях с минимальным демонтажом находить возможности для нового экспонирования. Зритель будет процентов на 80-90 видеть то, что было в 1987 году, и это самое поразительное открытие. Мы смогли соединить несоединимое — это в каком-то смысле идёт под рубрикой национального примирения.

>> Речь о том, что мы не стираем предыдущие версии, чем очень грешили правители в XX веке. Мы делаем максимальный палимпсест: хотите читать Ленина, совершенно нечитаемого, мелким кеглем — читайте; но на обороте вам будет предложен другой вариант. Нужно много комплиментов сказать проектировщикам этого зала — они напридумывали очень динамическую архитектуру. В этом они питались ценностями конструктивизма, просто буквальными есть посвящения конструктивистской тектонике.

Основные даты на шкале музейного времени

1987 — открытие Красноярского филиала Центрального музея В.И. Ленина.

1993 — разработка новой концепции музея как многофункционального культурно-исторического комплекса.

1995 — проведение первой Красноярской музейной биеннале.

1998 — получение приза Совета Европы «За вклад в развитие европейской идеи».

2002 — проведение первой Музейной ночи.

2010 — VIII Красноярская музейная биеннале «Даль» (куратор — Сергей Ковалевский) получила премию «Инновация».

2015 — смена названия Красноярского культурно-исторического центра на Музейный центр «Площадь Мира».

>> Некоторые ценности, с которыми мы заходим в «Красные залы», отличаются от ценностей коммунистов. Нам нет нужды сильно развивать их позицию, потому что она уже представлена во всех «святцах»: ленинских иконах, ленинских текстах. Сегодня очень легко все музеи делают сентиментально-ностальгические выставки про Советский Союз, все эти салфеточки, коврики, одежда, пластиночки — общее место, и это работает по причине ностальгической. Потому что это ближняя память — ты помнишь это, это твоё детство. Такое очень легко сделать, и я всё время пытаюсь сказать, что мы не будем на этом останавливаться.

Нужно сделать шаг дальше — мы заложили принципы, которые, я надеюсь, на этом вещественном будут работать. Мы не хотим идти по пути ложного сентиментализма, а даже в повседневности искать вызов личности и свободе, революционных всплесков, но в другом смысле — экзистенциальных революций. Их передать словами и вещами очень сложно, именно тут нас будет ждать главное испытание. Среди вещей появляются находки, которые сами по себе уже произведения, нам ещё предстоит вскрыть этот потенциал. Так что если говорить про ограничения и идеологию — она в том, чтобы вещи, слова, образы, пространство подвергались революционным сдвигам.

>> Я готов говорить про позитивную революцию, конструктивную, но только в контексте культурной революции. Это самая безболезненная революция в человеческих практиках. А вот революция в социальных практиках, политических — Россия показала, что не умеет с революцией совладать, начинаются жесточайшие издержки. Это ещё КАНТ говорил, и для меня это индульгенция, что культурной революцией и движется всё — постоянно приходит новое. По мнению социологов, Россия не может сдвинуться из этой колеи, потому что в ней не произошли культурные изменения. Школа — советская, гуманитарные институты в основном советские. Думают, что это так, пустяки, а на самом деле это и сдерживает. И музей как один из институтов обязан это менять.

Капля дёгтя

При этом не все, конечно, согласны с музейными переменами. Некоторые сотрудники считают, что современный вариант экспозиции недотягивает до того, что было создано в 1987 году: по качеству музейного экспонирования, по вдумчивости, с которой необходимо относиться к таким важным темам...

Но зато музей может предложить варианты изменений, через которые возникают варианты мыслей. Новая экспозиция станет метафорой возможности и вариативности отношения к истории, прошлому, настоящему, вещам и словам. Достать из этого «хорошее» или «плохое» — станет делом каждого.

Фото: 1 и 2 — музей до реконструкции, 3 и 4 — после

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Большая переменна

В информационный век быстрее всего меняются дети. Как родителям не отстать от этого экспресса и меняться вместе с детьми, мы поговорили с практикующим психологом Александрой ДЕМИДОВОЙ, которая родилась и училась в Красноярске, но в последние годы много путешествует и работает в разных странах. Этим летом Александра будет заниматься с детьми в лагере Крыма, а красноярских родителей продолжит консультировать в режиме онлайн.

О «других» детях

Не стоит думать о том, как меняются дети, в категориях «хорошо» или «плохо». Они действительно другие во всех отношениях: у них раньше выпадают молочные зубы, они раньше начинают садиться и ходить. Даже кризис подросткового возраста наступает сегодня не в 14, а в 10–11 лет. Развитие идёт активнее, и надо радоваться этому.

Мне нравится время, в которое растут мои дети. Замечательно, что сейчас делается большой акцент на чувствах ребёнка. Например, в мультфильме «Головоломка» детей учат осознавать, что они чувствуют. Общаясь с детьми, родители могут стимулировать их к обозначению своих эмоций: «Я вижу, что ты злишься», «Мне кажется, ты сожалешь об этом» и так далее. Это очень важно для будущих отношений.

О новых родителях

Меняются и родители: они в массе начали интересоваться тем, как нужно воспитывать ребёнка. Создаются курсы, тренинги, школы по воспитанию детей, и это правильно: раньше получить такое образование было намного сложнее. Математике или химии всегда учили в школе, но уроков родительства никогда не было, и вот теперь появились отличные перспективы.

В наш век открыт доступ ко всем зарубежным книгам по психологии развития, детскому психоанализу, которым в мире занимаются уже очень давно. Можно найти любую информацию о воспитании детей. Если мы закладываем в детстве не только навыки, но и здоровую эмоциональную составляющую, из детей вырастают нормальные люди. Ребёнка можно провести через психологическую травму очень бережно, без последствий, и этому несложно научиться. Многочисленные курсы учат, как сделать ребёнка управляемым, как справиться с нытьём и истериками, как исправить причины, которые к ним приводят. Есть технологии родительства, которые помогают наладить семейную жизнь.

Словом, каждый сегодня в состоянии стать грамотным специалистом по воспитанию в своей семье — всё зависит от желания мамы и папы.

О гаджетах

Глупо безнадзорно выдавать ребёнку электронику и надеяться, что всё будет хорошо. Гаджеты часто заменяют родителей, занятых работой, но цена слишком высока: есть риск на выходе получить неуправляемых детей. Однако запрещать планшеты и телефоны полностью не стоит, ведь психологически каждый человек стремится противостоять запретам.

Гаджеты — это прекрасно в дозированном виде. Просто соблюдайте баланс. Например, ограничивайте время игры 30 минутами в день, используя песочные часы или будильник. Кстати, будильник поможет самоорганизоваться и взрослым, зависающим в Интернете.

Что, на мой взгляд, стоит запретить, так это социальные сети для детей до 14 лет. Это по-настоящему небезопасный мир. Раньше создать профиль, например «ВКонтакте», было невозможно детям до 18 лет. Но сейчас там очень хитрая интерпретация, позволяющая заходить в сеть чуть ли не в возрасте 6+. Поэтому родители должны сами устанавливать правила, ведь кто в доме хозяин? Важно не переводить прямую речь в «запрещаю» и «нельзя» — надо оперировать категориями «разрешаю/не разрешаю», «нравится/не нравится».

Не думаю, что хорошо читать переписку ребёнка в социальных сетях, я за доверие, поэтому лучше вообще не пускать его в эту часть Интернета.

О раннем развитии

Я за любую активность. Если маме комфортно и спокойно в группах раннего развития, куда она водит ребёнка, она хочет потешить самолюбие или восполнить нехватку общения — то почему нет? Надо понимать, зачем мамы ходят в «развивайки». Например, мой ребёнок плавал с трёх месяцев, потому что после этого он хорошо спал. А младшая рисовала с восьми месяцев, потому что это было нескудно. Они и сейчас плавают и рисуют, но не потому, что начали делать это в таком раннем возрасте.

Младенец очень привязан к маме, и всё, что делает мама, ребёнку в удовольствие. Если маме хорошо, то и её детям тоже. Кто-то идёт на занятия общаться, кого-то это вытаскивает из послеродовой депрессии, и вряд ли ранним развитием занимаются затем, чтобы крошечка потом стояла на пьедестале почёта.

О соревновательной среде

Я считаю, что ориентация на успех, постоянные конкурсы и в школе, и в местах дополнительного образования — это прекрасно.

Участвовать в конкурсах престижно, они воспитывают уверенность в себе. Другое дело, как кто распорядится этой уверенностью. Кто-то, может, столкнётся и со звёздной болезнью, и это тоже интересный опыт.

А вот задача родителей — принимать ребёнка любимым, даже если он не чемпион. Нужно правильно, грамотно настраивать сына или дочь на соревнование: «Ты соревнуешься сам с собой». Родители должны учить детей и проигрышу. Нужно заранее предупредить их о возможности такого результата: «Что будет, если ты проиграешь?». Убедить, что это не конец света, научить безболезненно проигрывать. Сказать: «Да, бывает, люди проигрывают, но я тебя всё равно люблю». С рождения у детей слеплены два понятия — они думают, что их любят за что-то, за их поступки, а не просто так. Поэтому с самого рождения старайтесь внушить ребёнку свою безусловную любовь.

Об избалованности

В принципе, кому от этого плохо? У всех разные семейные истории. Как достаются дети родителям? Например, мама сделала десять ЭКО, и вот в 45 лет у неё получилось родить сына. Конечно, она будет его баловать, и это её право. Каждый любит детей по-своему. Кто-то более строг, вос-

питывая по канонам своего детства, кто-то балует. Лично я стараюсь дать своим детям больше «телесности», ласки, чего не хватало мне.

О трудотерапии

Я за трудотерапию. В том числе и за трудотерапию вместо наказаний.

У ребёнка должен быть круг обязанностей по дому, который с возрастом увеличивается. Каждый делает свой вклад в домашнюю работу. В маленьком возрасте выполнение каких-то дел совмещается с удовольствием, в возрасте постарше у детей появляется мотивация «Я делаю что могу на благо семьи».

Помимо этого я применяю «трудовые санкции», если дети нарушают какие-то установленные у нас дома правила. Все они подробно обговариваются заранее. И если нарушен какой-то запрет, то ребёнок идёт, к примеру, мыть подъезд. Это намного лучше, чем унижить его физическим или моральным наказанием, навесить чувство вины, с которым ему придётся справляться много лет. В случае трудовых санкций ребёнок заранее знает, что его ждёт, готов к этому, а работа замечательным образом мотивирует его в следующий раз выполнить все договорённости и воспитывает ответственность, самоорганизацию, а не чувство вины.

О «в семье не без урода»

Я в это не верю. Если с выросшим ребёнком что-то не так, или он отличается деструктивным поведением, значит, в истории его взросления, в семейной истории было какое-то событие, которое на него повлияло. Это событие либо игнорировали, либо не придали ему значения. Возможно, в раннем возрасте малыш пережил насилие, о котором потом забыл, или отец ушёл из семьи, или произошёл какой-либо конфликт. На занятиях по гештальт-терапии часто становишься свидетелем того, что люди неожиданно вспоминают детские травмы.

О способностях

В каждом ребёнке всё заложено от природы. У любого есть музыкальный слух, просто надо его развивать. Да, существует предрасположенность, не каждого возьмут в балет, но в общем и целом можно развить все виды восприятия.

Об осознанном родительстве

Мы живём во времена осознанного родительства. В советское время за всё, включая воспитание детей, вроде как отвечало государство. Сегодня пришло время брать ответственность только на себя. Родители сами в силах выбрать своему ребёнку окружение, поменять школу в случае необходимости или вообще перейти на домашнее обучение, поместить детей в более развивающую среду. Вкладывайте в своих детей здесь и сейчас.

Я считаю, что правы те, кто ставит себе задачу растить ребёнка легко. А главная цель воспитания — не чтобы «было кому подать стакан воды». Она в том, чтобы выросшие дети были счастливы.

НА ФОТО: А. Демидова с детьми